

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юрин Павел Андреевич

ТЕМА ФУТБОЛА В СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Выпускная квалификационная работа

Магистра филологии

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Гуськов Николай Александрович

Рецензент:
д.ф.н., проф. Вьюгин Владимир Юрьевич

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

В ранние советские годы особую роль в культурной жизни нашей страны стал играть спорт. «Спорт пропитал общественное сознание советских людей – не только потому, что им заставляли заниматься, но и потому, что он постоянно присутствовал во многих сферах культуры: в литературе, кино, театре, музыке, живописи и скульптуре»¹. В 1920 году на III Всероссийском съезде комсомола была принята резолюция, в которой физкультура объявлялась «важной частью коммунистической системы воспитания молодежи, нацеленной на создание гармонично развитой личности, гражданина коммунистического общества»². Потенциал для развития человека, согласно резолюции, заключался в спорте. Важной вехой в развитии физкультуры и спорта в СССР стало решение о создании системы обязательной военной подготовки (Всевобуча), принятое в марте 1918 года на VII съезде РКП(б) и IV Чрезвычайном съезде Советов. По словам К. С. Есенина, футбольного статистика и аналитика, Всевобуч «популяризировал физкультуру среди широких слоев населения»³. В 1920 году В. И. Ленин

¹ *О'Махоуни М.* Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М., 2010. С. 11.

² Там же. С. 21.

³ *Есенин К. С.* Московский футбол. М., 1974. С. 29.

подписал декрет об организации в Москве Государственного центрального института физической культуры, в котором обучались первые отечественные специалисты в этой области. В том же году, спустя 27 лет после открытия «Курсов при Санкт-Петербургской биологической лаборатории»⁴ в Москве был открыт институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Большое значение для развития физкультурного движения имело постановление ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 года «О задачах партии в области физической культуры» – программный документ, определяющий цели и задачи верховных властей в развитии спорта в СССР.

Если до 1918 года физической культурой в основном занимались представители богатых семейств, то в послереволюционный период ситуация меняется. Спорт становится доступен широким массам, распространяется как социальная практика. Вопросы физического воспитания и здоровья активно обсуждаются в периодике:

«Если бы понадобилось изобразить символ физической культуры, мы воспроизвели бы Сфинкса, у которого ноги вола, торс льва, крылья орла и голова, конечно, человека. Т. е. освобожденный от эксплуатации человек должен развить в себе мужество и ловкость – как бы львиную, зоркость и мощность полета орлиную при выносливости и трудолюбию вола»⁵.

«Поддержка занятий спортом одновременно и пропагандировалась, и практиковалась как важнейшая часть так называемой культурной жизни советского гражданина»⁶. В 1920–1930-е гг. в моду входит спортивный костюм – в определенной степени символ нового человека. Распространяется культ здорового тела. Художники и скульпторы отражают образы занимающихся атлетов в своих творениях. Появляются рисунки спортивной

⁴ Будущий НГУ им. П. Ф. Лесгафта в Петербурге.

⁵ *Тарасенко М.* Физическая культура и здоровье // Вестник физической культуры. Харьков, 1922. № 2. С. 4.

⁶ *О'Махоуни М.* Указ. соч. С. 14.

тематики А. А. Дейнеки («Футбол» (1924), «Боксер Градополов» (1926), «Игра в мяч» (1932), «Футболист» (1932)), А. Н. Самохвалова («Девушка с ядром» (1933), «Девушка в футболке» (1937)). Одной из самых известных композиций скульптора И. М. Чайкова стали «Футболисты», созданные в 1928 году. Фигуры спортсменов и изображение состязаний появляются во многих кинофильмах первой половины XX века, например, сразу в четырёх картинах, снятых в 1936 г., одновременно с «Олимпией» Л. Рифеншталь: «Строгий юноша», «Концерт Бетховена», «Вратарь», «Случайная встреча». Культ здорового тела, поклонение физическому развитию присутствует и во многих литературных произведениях первой трети XX века. Вот как, в частности, рассуждает о здоровом теле Борька Чертов, главный герой повести В. В. Вересаева «Исанка» (1927): «Это лето для меня какое-то совсем особенное. Как будто у меня только что раскрылись глаза на человеческое тело, как оно может быть прекрасно, как важно, чтоб оно было здорово и прекрасно, и как мало мы об этом думаем»⁷. В речи героя актуализируется проблема двойственной природы человека, дихотомии тела и души. Решение проблемы также заложено в монологе Чертова:

А нужно твердо знать вот что: человек должен постоянно смотреться в зеркало. Если он будет видеть свое тело, ему захочется, чтоб оно стало красивее, мускулистее, здоровее. И лицо свое нужно видеть почаще, чтоб оно было светлое, с ясными глазами, чтобы не было брюзгливых складок в губах. Тело так же действует на душу, как душа на тело. Если будешь ходить прямо, то и поникшая душа выпрямится: если сгонишь угрюмость с губ, она сойдет и с души⁸.

Совершенствование души через тело посредством физических упражнений, игр с мячом, закаливания организма являлось новым в сознании советского

⁷ Вересаев В. В. Исанка // Вересаев В. В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М., 1961. С. 198.

⁸ Там же.

общества, так как ранее физическое развитие ниспровергалось, осуждалось и становилось катализатором разнообразных проблем (например, воспитания): «Трудно было убедить общество в той огромной пользе, которую приносит регулярное занятие физической культурой, в том, что умственное развитие должно идти наравне с физическим»⁹. Если в сознании большинства представителей дореволюционного общества дух безоговорочно довлел над телом, то в 1920–1930-е годы тело и дух не только уравниваются, но и вступают в отношения взаимовлияния: одно без другого не существует.

Значительное повышение интереса к физической культуре и спорту было продиктовано важнейшими событиями в истории России начала XX века. Знаменитый одесский спортсмен, футбольный арбитр Н. Н. Биязи писал:

Если до 1917 года физическая культура в России была явлением случайным и никем не руководимым, то теперь физкультура стала носить жизненно-бытовой характер. Октябрьская революция во весь рост поставила вопрос об использовании физической культуры и спорта для укрепления здоровья, продления жизни, повышения трудоспособности и для укрепления боевой мощи страны¹⁰.

Биязи апеллирует к историческому фону как следствию повышения интереса к физическому развитию человека. Подобная взаимосвязь обсуждалась и в периодике того времени. Вот, например, отрывок из статьи, размещенной в газете «Спортивная неделя» в начале 1915 года:

События выдвинули нас на тот рубеж духовного и материального строительства, когда нужны, и в большом количестве, только сильные, здоровые

⁹ Лукосяк Ю. П. Футбол. Первые шаги. 1860–1923. СПб., 1998. С. 10.

¹⁰ Биязи Н. Н. Записки старого спортсмена. М., 1966. С. 32–33.

и бодрые, что можно достигнуть только тогда, когда физическое развитие народа будет поставлено на правильном и твердом основании¹¹.

В годы Первой Мировой войны, несмотря на демографический кризис, интерес к спорту только возрастал¹², а в сплаве духовного и телесного развития просматривалась гармония, способная «приблизить нас к идеалу, к которому стремятся народы с древних времен, если в сознании массы жизнь доминирует над смертью»¹³.

Спорт наравне с кинематографом, радио, телеграфом, транспортом входит в ряд новых для жизни общества рубежа XIX–XX веков реалий, которые осваивала художественная словесность. Это касается как поэзии, так и прозы, однако если отечественная поэзия уже рассматривалась учеными под углом освоения ею новых явлений, в том числе футбола¹⁴, ставшего в начале XX века массовым и наиболее популярным видом спорта в СССР, то в случае с прозой дела обстоят сложнее.

Тема нашего диссертационного исследования – футбол в советской прозе первой половины XX века.

Предметом настоящей работы является феномен футбольной игры как новая культурная составляющая, входящая в русскую литературу в первой половине XX века.

Цель исследования заключается в комплексном анализе прозаических литературных произведений первой половины XX века, в которых затрагивается тема футбола.

Основные задачи исследования:

¹¹ [Неизвестный автор]. От редакции // Спортивная неделя. Пг., 1915. № 1. 11 января. С. 1.

¹² См. об этом подробнее: Саволайн А. В. В дни войны // Спортивная неделя. Пг., 1915. № 2. 18 января. С. 1.

¹³ Г. Война и спорт // Спортивная неделя. Пг., 1915. № 6. 15 февраля. С. 1.

¹⁴ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. «Ликует форвард на бегу...» Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950 годов. М., 2016.

1) отобрать группу прозаических текстов, в которых присутствует тема футбола;

2) проанализировать систему образов персонажей-футболистов и функции каждого игрового амплуа внутри этой системы;

3) выделить основные точки зрения на футбол в советском обществе первой половины XX века и проанализировать их отражение в литературных произведениях;

4) определить роль спортивного эпизода в структуре художественного текста.

Объектом нашей диссертационной работы являются литературные произведения первой половины XX века, написанные в СССР, в которых возникает футбольная тематика. Это роман Ю. К. Олеси «Зависть» (1927), повесть Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1927), повесть В. В. Вересаева «Исанка» (1928), рассказ П. С. Романова «За этим дело не станет» (1929), роман А. Б. Мариенгофа «Бритый человек» (1930), фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Любители футбола» (1931), роман А. Р. Беляева «Чудесное око» (1935), роман Л. А. Кассиля «Вратарь Республики» (1937) и рассказы «Пекины бутсы» (1935), «Матч в Валенсии» (1939), «Состоится при всякой погоде» (1942), роман В. К. Кетлинской «Мужество» (1938), повесть А. В. Козачинского «Зеленый фургон» (1938), повесть Л. И. Лагина «Старик Хоттабыч» (1938), роман В. П. Беляева «Старая крепость» (1936–1950), повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» (1943), повесть Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» (1951).

В нашем исследовании мы придерживаемся синтетического подхода, соединяя принципы формально-структурного и типологического методов, а также рецептивной эстетики. Кроме того, мы считаем необходимым использовать культурологический подход, понимая культуру как знаковую систему. Нас будет интересовать, главным образом, сюжетный, мотивный и персонажный уровень анализа произведений. Методологической базой исследования

являются научные труды М. М. Бахтина¹⁵, Б. М. Гаспарова¹⁶, Ю. М. Лотмана¹⁷, В. Я. Проппа¹⁸, Б. А. Успенского¹⁹, О. М. Фрейденаберга²⁰, Й. Хейзинги²¹, Х.-Р. Яусса²². Подчеркнем, что наша работа носит характер междисциплинарного исследования, в котором литературоведческий аспект сосуществует с культурологическим и историческим.

Нельзя сказать, что научный интерес к отражению футбола в советской прозе полностью отсутствует. В последние несколько десятилетий определенное внимание этой теме все же уделяется. Практически все из немногих существующих научных работ написаны с опорой на концепцию сублимации. Таковы работы В. П. Руднева²³, А. И. Куляпина и О. А. Скубач²⁴. Психоаналитическая интерпретация игры в футбол сводится к тому, что футбол «воспроизводит половой акт, где нога играет роль фаллоса, мяч – спермы, а ворота – вульвы»²⁵. Нападающий, забивающий гол в ворота соперника, уподоблен мужчине, который обладает женщиной. В этих условиях своеобразная роль отводится вратарю. Голкипер – «это Суперэго, субстанция, мешающая удовлетворению желания, получению удовольствия от забивания гола»²⁶.

¹⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

¹⁶ Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.

¹⁷ Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.

¹⁸ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.

¹⁹ Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб., 2000.

²⁰ Фрейденаберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

²¹ Хейзинга Й. Человек играющий: Статьи по истории культуры. М., 2003.

²² Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

²³ Руднев В. П. Метафизика футбола // Логос. 1999. № 8. С. 60–67.

²⁴ Куляпин А. И., Скубач О. А. О сухих вратарях с подмоченной репутацией // Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013. С. 185–192.

²⁵ Руднев В. П. Метафизика футбола. С. 61.

²⁶ Руднев В. П. Метафизика футбола. С. 62.

Других моделей описания художественных текстов на тему футбола на данный момент не предложено, за исключением статьи литературоведа Ю. В. Подковырина²⁷. Как и авторы монографии о футболе в советской поэзии, исследователь выстраивает свою концепцию, работая на материале поэтических текстов. Ученый справедливо указывает на то, что проблема психоаналитического осмысления образов футбола в словесном творчестве заключается «в его однобокости: подчеркивается только одна, не самая существенная, если судить по частоте ее представленности в художественных текстах, сторона явления»²⁸. Подковырин взамен идеи сублимации выделяет четыре ценностно-смысловых особенности футбольной игры. Во-первых, это футбольное поле как особое пространство, нередко сравнивающееся с полем битвы, «изображение его в ракурсе *возвышенной* (точнее, *героической*) оценки»²⁹. Во-вторых, это особый характер протекания времени на футбольном поле и на стадионе. В-третьих, это мяч как главный атрибут футбольного инвентаря и игры. В-четвертых, это изображение игроков разных амплуа на футбольном поле: вратарь, защитник, нападающий.

Несмотря на наличие определенного числа научных работ о прозаических произведениях, в которых присутствует футбольная тема, следует признать, что на сегодняшний день не существует трудов, аналогичных тому, что был осуществлен литературоведами на материале поэзии. Таким образом, новизна нашего диссертационного исследования заключается в создании научной работы, в которой рассматривались бы в совокупности и взаимосвязи прозаические тексты на тему футбола.

Актуальность нашего диссертационного исследования определяется, во-первых, нарастающим интересом литературоведения конца XX–начала XXI веков к изучению способов освоения художественной литературой

²⁷ Подковырин Ю. В. Футбол как предмет изображения в художественной литературе // Феномен игры в художественном творчестве, культуре и языке. Томск, 2009. С. 11–17.

²⁸ Там же. С. 12.

²⁹ Там же (Курсив Ю. В. Подковырина. – П. Ю.).

новых для общества явлений в отечественной культуре начала XX века, в том числе спорта, а во-вторых, как следствие, необходимостью изучения литературы в контексте истории, взаимным проникновением разных сфер искусства друг в друга, в нашем случае – спорта и литературы. Об изучении словесного творчества в контексте культуры писал, в частности, М. М. Бахтин: «Литература – неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи»³⁰.

Наше диссертационное исследование состоит из двух глав. Первая посвящена рассмотрению того, как в советском обществе относились к футбольной игре, какие доводы за и против футбола предъявляли носители той или иной точки зрения. Анализ этого аспекта с привлечением обширной мемуарной литературы поможет выявить общие закономерности в отношении советского общества к футболу и – шире – спорту как явлению в культуре в целом. Во второй главе рассмотрена система персонажей-футболистов. Центральным в этой части работы является амплуа вратаря (голкипера), фигура которого имела большое значение в сознании русского советского человека первой половины XX века. Большое внимание также уделено нападающему (форварду), без которого невозможно было бы представить противостояние двух игроков, встречающееся во многих прозаических текстах того времени. Помимо создания системы образов персонажей-футболистов (главной задачи нашего исследования), мы пытаемся ответить на вопрос о роли и функции футбольных эпизодов в каждом отдельно взятом литературном тексте.

Цитаты из источников приводятся в соответствии с современными нам нормами орфографии и пунктуации.

³⁰ Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 329.

Глава I. Отношение к футболу в советском обществе

1.1. Важнейшие события из истории футбола в России и СССР первой половины XX века (краткий исторический очерк)

Наиболее популярной спортивной игрой в ранние советские годы становится футбол. В Россию он был «завезен» английскими моряками и портовыми рабочими, поступавшими на петербургские промышленные предприятия, еще в 1860-е годы. Этим и объясняется тот факт, что в России вплоть до середины 1930-х годов вопросы футбольной игры освещались в печати при помощи англоязычных калек. К примеру, нападающий назывался форвардом, вратарь – голкипером, защитник – беком, полузащитник – хавбеком, угловой удар – корнером. Однако по мере обретения отечественным футболом все большей самостоятельности уже в 1910-е годы осуществлялись попытки заменить английские термины русскими эквивалентами. Историк футбола Ю. Ф. Коршак в своей книге «Старый, старый футбол» приводит в качестве примера подобную заметку:

Русская футбольная терминология делит всех игроков на четыре линии: вратарь, защитники, полузащитники и передовые; для краткости обозначения каждого отдельного игрока они занумерованы, считая первым крайнего левого передового и так дальше одиннадцатого – вратаря. Отдельные названия переведены так: офсайд – вне игры, хендс – рукой, фауль – грубо, пас – передай, хавтайм – перерыв, матч – состязание, аут – за чертой³¹.

Мы не будем подробно останавливаться на вопросах истории футбола в России, так как они не входят в цели и задачи нашего исследования. Этому ас-

³¹ Коршак Ю. Ф. Старый, старый футбол. М., 1975. С. 86.

пекту посвящена обширная научная литература³². Отметим лишь наиболее важные вехи в истории развития футбольной игры.

Историки спорта спорят о том, кого следует считать пионерами отечественного футбола, так как в России был представлен как лиговый, так и внелиговый футбол. С одной стороны, существовали команды, входящие в городские футбольные лиги (например, Московскую и Петербургскую). Руководителями лиг были меценаты и богатые дельцы. В частности, князь С. К. Белосельский-Белозерский финансировал футбольную команду Петербургского кружка любителей спорта (сокр. «Спорт»). С другой стороны, в огромном количестве были представлены так называемые «дикие» команды, не имевшие своего поля, не входившие в состав футбольных лиг и игравшие на пустырях, лужайках и плацах. М. П. Сушков, футболист и впоследствии тренер, писал о «диких» командах: «Я мог бы сказать так: чтобы узнать число футбольных клубов на той или иной дороге, следовало сесть в поезд и считать версты – сколько верст, столько и команд»³³. Именно из «диких» команд вышли такие знаменитые впоследствии футболисты, как, например, П. А. Канунников, П. Е. Исаков, Ф. И. Селин. По мнению историка спорта В. В. Фролова, именно внелиговому футболу «принадлежит основная роль в создании фундамента для советского футбола»³⁴.

Официальная история игры в России начинается в 1897 году, когда на плацу Кадетского корпуса в Петербурге произошел первый в истории отечественного спорта зафиксированный и проанонсированный в периодике футбольный матч между клубом «Спорт» и «Василеостровским обществом футболистов» (последние победили со счетом 6:0). Однако неофициальная история футбола берет свое начало в более ранние годы. Нам известно, что народ играл в мяч задолго до 1897 года. Так, в футбол играли в 1893 году на Семе-

³² См., например: *Базунов Б. А.* Спорт. XX век: Хроника отечественного и мирового спорта: события персонажи, рекорды. М., 2001; *Лукосяк Ю. П.* Футбол. Первые шаги. 1860–1923; Спортивные игры. М., 1948; *Фролов В. В.* Футбол в СССР. М., 1951.

³³ *Сушков М. П.* Футбольный театр. М., 1981. С. 51.

³⁴ *Фролов В. В.* Футбол в СССР. С. 8.

новском велодроме (ныне – Пионерская площадь) внутри велотрека в перерыве между соревнованиями велосипедистов. К 1888 году относится первая заметка о футболе, опубликованная в журнале «Охотник»³⁵, а к 1879 году – первое упоминание в уставе «Санкт-Петербургского футбол-клуба» об англичанах, организовавших одноименную футбольную команду.

Футбол набрал популярность стремительными темпами и стал поистине народным видом спорта в России. В. П. Бутусов, капитан олимпийской сборной России, принимавшей участие в Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 году, писал:

Футбол стал нашей национальной игрой. Это произошло тем естественней, что подобие его было известно русским и раньше. В некоторых селах Тверской и Новгородской губерний с давних времен существовала игра «шалыга». Игравшие старались загнать мяч, набитый тряпками или волосом, в ворота, или, как их тогда называли, в «город»³⁶.

М. П. Сушков, говоря об увлечениях молодого поколения в первую декаду XX века, отмечал: «В душах людей тогда уже прочно поселилась любовь к футболу – одна из самых броских примет нового времени, нового образа жизни»³⁷. «Футбол – это самый распространенный в настоящее время вид спорта в России»³⁸, – писали в первом номере газеты «Футболист» за 1913 год. В книге «Спорт во все времена года», изданной еще в 1895 году, в разделе «Английские подвижные игры» сказано: «Игра в ножной мяч за последние годы достигла столь огромной популярности, что может быть названа национальной *зимней* игрой»³⁹ (Курсив наш. – П. Ю.). В первом печатном

³⁵ См. об этом подробнее: Коршак Ю. Ф. Старый, старый футбол. С. 17.

³⁶ Бутусов В. П. Мы были Колумбами в русском футболе // Спортивная жизнь России. 1968. № 1. С. 21.

³⁷ Сушков М. П. Футбольный театр. С. 6.

³⁸ [Неизвестный автор]. Наши задачи // Футболист. М., 1913. № 1. 3 августа. С. 1.

³⁹ Спорт во все времена года. СПб., 1895. С. 149.

издании на русском языке, в котором описываются правила игры в мяч, говорится, что в футбол можно играть круглый год, однако предпочтительнее играть в прохладную погоду, «то есть именно в то время, когда наиболее сказываются вредные последствия сидячей комнатной жизни»⁴⁰.

Футбольными центрами в дореволюционной России являлись Петербург, Москва, Одесса, Харьков. В 1901 году была основана Петербургская футбольная лига. В том же году в Петербурге состоялся первый матч первого чемпионата города по футболу между командами «Невка» и «Виктория»⁴¹. В 1907 году проводятся первые международные футбольные матчи (клуб «Спорт» играл против сборных команд Гельсингфорса и Стокгольма). В 1909 году организуется Московская футбольная лига, а в 1911 году возникает Всероссийский Футбольный Союз (далее – ВФС) – первая крупная организация, занимающаяся вопросами футбола в России. В 1912 году было разыграно первое первенство России по футболу между городами-членами ВФС (победу одержал Петербург). Тогда же сборная России по футболу стала участником футбольного турнира на Олимпийских Играх в Стокгольме, уступив командам Финляндии (1:2) и Германии (0:16).

Розыгрыш первенства 1912 года стал прообразом чемпионатов России и СССР, которые проводились вплоть до 1936 года, когда был упразднен принцип сборных команд городов и введен принцип проведения соревнований между клубными командами. Такое преобразование обуславливалось общим ростом количества футбольных команд в СССР, а также тем, что «такие “футбольные” города, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков могли бы выставить по несколько коллективов»⁴². Таким образом, в чемпионатах СССР с 1936 года зародились клубные противостояния между московскими командами «Спартак», «Динамо», «Локомотив», «Торпедо», ЦДКА. Помимо клубных баталий, благодаря реформе 1936 года развивалась и география чемпионата

⁴⁰ Дементьев Е. М. Английские игры на открытом воздухе. М., 1891. С. 59.

⁴¹ Примечательно, что в этом матче приняли участие лишь три русских игрока.

⁴² Мартынов М. Любимая игра. М., 1955. С. 9.

СССР. Массовое распространение футбольной игры способствовало усилению интереса к спорту в целом.

С 1922 года как клубные команды, так и сборная СССР по футболу становятся активными участниками международных матчей. Наибольшее количество встреч (39) было проведено с командой Турции⁴³. Кроме того, советские футболисты часто встречались со скандинавскими сборными (Швеция и Норвегия)⁴⁴. Также с зарубежными командами играли в рамках всесоюзных спартакиад. Так, в спартакиаде 1928 года принимали участие сборные Уругвая, Австрии, Германии, Швейцарии и Финляндии. Большой опыт международных встреч был получен советскими футболистами в 1937 году, когда в СССР прибыла сборная Басконии – одна из сильнейших команд Европы в то время. В том же году московский «Спартак», усиленный футболистами других клубов, одержал победу в футбольном турнире в рамках III Летней Рабочей Олимпиады в Антверпене. Из многочисленных международных встреч, состоявшихся в первой половине XX века, особняком стоит турне московского «Динамо» по городам Великобритании осенью 1945 года, когда советская команда сыграла четыре матча с командами «Челси», «Арсенал» (обе – Англия), «Кардифф-Сити» (Уэльс) и «Рейнджерс» (Шотландия), одержав две победы и дважды сыграв вничью с общей разницей забитых и пропущенных мячей 19:9⁴⁵. Выступления «Динамо» доказали конкурентоспособность советского футбола на международной арене и способствовали вступлению СССР в 1946 году в ФИФА – Международную федерацию футбола.

1.2. Футбол в воспоминаниях, дневниках и произведениях советских писателей: pro et contra

⁴³ См. об этом подробнее: *Фролов В. В.* Футбол в СССР. С. 124–126.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См. об этом подробнее: *Якушин М. И.* Вечная тайна футбола. М., 1988. Гл. IV.

Футбол впервые появляется в воспоминаниях, дневниках, а также и в художественном творчестве тех русских писателей, детство которых пришлось на 1900–1910-е годы. Обычно их культурные, иногда даже элитарные семьи жили в столице или крупных городах.

Тенишевское частное коммерческое училище в Петербурге было одним из первых учебных заведений, в котором стал приживаться футбол. Об игре в мяч писал, в частности, О. Э. Мандельштам, закончивший Тенишевское училище в 1907 году. В автобиографической повести «Шум времени» Мандельштам отмечал, что ученики играли в футбол во дворе доходного дома на Загородном проспекте в Петербурге⁴⁶ (очевидно того, где провел детство автор повести, или одного из соседних). «*Пещерный футбол*»⁴⁷ (Курсив наш. – П. Ю.), – такой эпитет использует поэт для характеристики первых опытов этой игры в России. Именно Мандельштаму принадлежит одно из наиболее эффектных изображений футбола в русской лирике. Другой известный выпускник Тенишевского училища, В. В. Набоков, писал о введении спортивных игр как способе проведения досуга в учебном процессе:

Училище, в которое он (отец Набокова. – П. Ю.) меня определил, было подчеркнуто передовое. Как мне пришлось объяснить в американском издании этой книги, классовые и религиозные различия в Тенишевском училище отсутствовали, ученики формы не носили, в старших семестрах преподавались такие штуки, как законоведение, и по мере сил поощрялся всякий спорт⁴⁸.

В. В. Бианки, автор многочисленных рассказов о животных, один из ведущих детских советских писателей XX века, в юности играл в футбол. Сначала он выступал за дачную команду «Лебедь» (Лебяжье, около Ораниенбау-

⁴⁶ Мандельштам О. Э. Шум времени // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 366.

⁴⁷ Там же. С. 375.

⁴⁸ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 5. СПб., 2000. С. 157.

ма), а затем за несколько петербургских футбольных клубов, участвовавших в розыгрыше Петербургской футбольной лиги: «Петровский» (1911), «Нева» (1912) и «Унитас» (1913–1916). В составе «Унитаса»⁴⁹ Бианки в 1913 году стал победителем Весеннего кубка Петербурга. Его партнерами по нападению⁵⁰ были знаменитые братья Бутусовы⁵¹. А. А. Ливеровский, советский химик, писатель и охотник, муж Е. В. Бианки, дочери писателя, отмечал, что последний в годы футбольной юности носил «репутацию классного игрока, хотя в сборные команды города и не привлекался (иногда приглашался на тренировочные матчи)»⁵².

М. М. Зощенко в главке «Я занят» автобиографической повести «Перед восходом солнца» также упомянул об увлечении футболом:

Двор. Я играю в футбол. Мне уже наскучило играть, но я играю, украдкой поглядывая на окно второго этажа. Мое сердце сжимается от тоски.

Там живет Тата Т. Она взрослая. Ей двадцать три года. У нее старый муж. Ему сорок лет. И мы – гимназисты – всегда подтруниваем над ним, когда он, немного сутулый, возвращается со службы.

И вот открывается окно. Тата Т. поправляет свою прическу, потягиваясь и зевая.

Увидев меня, она улыбается.

⁴⁹ Футбольный клуб «Унитас» (от лат. *Unitas* – «единство») возник в 1911 году в результате слияния кружков любителей спорта «Удельная» и «Надежда» по инициативе братьев Бутусовых. Базировался в Удельной. Участвовал в первенстве Петербурга с 1911 по 1923 год. Становился победителем Петербургской футбольной лиги в 1912 году, двукратный обладатель Весеннего кубка Петербурга (1912, 1913). В 1913 году «Унитас» провел на своем поле в Удельном парке международную встречу со сборной Швеции, уступив со счетом 1:5. В 1923 году клуб был реорганизован и переименован. На базе стадиона «Унитаса» в 1940-е годы создали учебно-спортивный комплекс «Спартак», который существует и по сей день (См. подробно о клубе в кн.: *Лукосяк Ю. П. История петербургского футбола*. СПб., 2011).

⁵⁰ Бианки был игроком группы атаки. Из шести сезонов, сыгранных за разные клубы, Бианки провел два на позиции правого крайнего нападающего, четыре – на позиции левого крайнего нападающего.

⁵¹ Из шести братьев наиболее прославились двое – Михаил и Василий. Последний был первым капитаном сборной России по футболу на Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 году и забил единственный гол национальной команды на том турнире в игре против сборной Финляндии.

⁵² *Ливеровский А. А. Лебязенец Бианки // Ливеровский А. А. Охотничье братство*. Л., 1990. С. 14.

Ах, она очень хороша. Она похожа на молодую тигрицу из зоологического сада – такие же яркие, сияющие, ослепительные краски. Я почти не могу на нее смотреть.

Улыбаясь, Тата Т. говорит мне:

– Мишенька, зайдите ко мне на минутку.

Мое сердце колотится от счастья, но, не поднимая глаз, я отвечаю:

– Вы же видите – я занят. Играю в футбол.

– Тогда подставьте свою фуражку. Я вам что-то брошу.

Я подставляю свою гимназическую фуражку. И Тата Т. бросает в нее маленький сверток, перенизанный ленточкой. Это шоколад.

Я прячу шоколад в карман и продолжаю играть.

Дома я съедаю шоколад. И ленточку, приложив на минуту к щеке, прячу в стол⁵³.

Здесь отчетливо проявляется сублимативная функция футбола: игра выступает как «один из трансформаторов табуированных импульсов либидо»⁵⁴. Приведенный пассаж из повести Зощенко представляет собой демонстрацию замещения любви спортивной игрой – опорного тезиса в рассуждениях литературоведов, исповедующих психоаналитический подход к интерпретации футбола в советской прозе. Сходный пример замещения можно обнаружить и в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД», действие которой происходит уже в начале 1920-х годов:

«Так как на лето школа осталась на этот раз в городе, надо было искать курорт, и его после недолгих поисков нашли в Екатерингофском парке на берегах небольшого пруда, около старого Екатерининского дворца. Сюда устремились теперь все помыслы шкидцев: к воде, к зелени, к футболу, и здесь за

⁵³ Зощенко М. М. Перед восходом солнца // Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М., 2008. С. 29–30.

⁵⁴ Куляпин А. И., Скубач О. А. О сухих вратарях с подмоченной репутацией // Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. С. 186.

бесперывной беготней постепенно забывались теплые белые весенние ночи, нежные слова и первые мальчишеские поцелуи.

На смену любви пришел футбольный мяч»⁵⁵.

Из дневниковых записей Ю. К. Олеси мы знаем, что будущий писатель играл в футбол в годы обучения в Ришельевской гимназии в Одессе, принимал участие в первенстве футбольных гимназических команд в рамках Олимпийских игр Одесского учебного округа⁵⁶. О футбольном увлечении молодого Олеси вспоминал В. П. Катаев в романе «Алмазный мой венец»:

Крайний левый перекинул мяч с одной ноги на другую и ринулся вперед – маленький, коренастый, в серой форменной куртке Ришельевской гимназии, без пояса, нос башмаком, волосы, упавшие на лоб, брюки по колено в пыли, потный, вдохновенный, косо летящий, как яхта на крутом повороте.

С поворота он бьет старым, плохо зашнурованным ботинком. Мяч влетает мимо падающего голкипера в ворота. Ворота – два столба с верхней перекладиной.

Продолжая по инерции мчаться вперед, маленький ришельевец победоносно смотрит на зрителей и кричит на всю площадку, хлопая в ладоши самому себе:

– Браво, я!⁵⁷

«Маленький и шустрый гимназист Олеша играл за свою Ришельевскую гимназию в пятерке нападения, и я помню день его славы, когда в решительном матче на первенство гимназической лиги Олеша забил гол в ворота против-

⁵⁵ *Пантелеев А. И.* Республика ШКИД (в соавторстве с Г. Г. Белых) // Пантелеев А. И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Л., 1984. С. 187.

⁵⁶ *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2015. С. 299–301.

⁵⁷ *Катаев В. П.* Алмазный мой венец // Катаев В. П. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М., 1984. С. 9–10.

ника»⁵⁸, – писал об этом же игровом эпизоде одесский поэт и прозаик С. А. Бондарин.

Игра вызывала у Олеси восторг, чего нельзя сказать о его родителях:

Мои взрослые не понимали, что это, собственно, такое – этот футбол, на который я уходил каждую субботу и каждое воскресенье. Играют в мяч... Ногами? Как это – ногами? Игра эта представлялась зрителям неэстетической, почти хулиганством: мало ли что придет в голову плохим ученикам, уличным мальчишкам! Напрасно мы пускаем Юру на футбол. Где это происходит? На поле Спортинг-клуба⁵⁹, отвечал я. Где? На поле Спортинг-клуба.

– Что это? Ничего не понимаю, – говорил отец, – какое поле?

– Спортинг-клуба, – отвечал я со всей твердостью новой культуры⁶⁰.

Пережил увлечение футболом и М. А. Булгаков. Е. А. Земская, племянница и крестница писателя, ставшая впоследствии видным лингвистом, вспоминала:

Когда в Киеве появился футбол, Михаил еще был гимназистом. Он увлекся футболом (он умел увлекаться!) и стал футболистом. Вслед за ним стали футболистами младшие братья⁶¹.

В старших классах гимназии Михаил Афанасьевич увлекся горячо, как он умел, новой игрой – футболом, тогда впервые появившимся в Киеве: а вслед за ним и младшие братья стали отчаянными футболистами⁶².

⁵⁸ Бондарин С. А. Встречи со сверстником // Бондарин С. А. На берегах и в море. М., 1981. С. 444.

⁵⁹ «Спортинг-клуб» – спортивный футбольный клуб, основанный в 1911 году. Один из основателей Одесской футбольной лиги, двукратный чемпион Одессы (сезоны 1913/1914, 1915/1916). Расформирован в 1920 году.

⁶⁰ Олеша Ю. К. Книга прощания. С. 299.

⁶¹ Земская Е. А. Из семейного архива // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 52.

⁶² Там же. С. 57.

Любовь к футболу разделяли и многие другие видные советские писатели. Одним из наиболее богатых источников информации на эту тему являются мемуары А. П. Старостина «Встречи на футбольной орбите». Автор, известный советский футболист, был знаком с Н. Р. Эрдманом, А. А. Фадеевым, Н. Н. Асеевым, И. Э. Бабелем. Спортсмена и перечисленных писателей объединяла любовь как к футболу, так и к другим видам спорта⁶³. О Фадееве Старостин писал: «Как потом выяснилось, он тоже играл в юности и в футбол, и в хоккей где-то у себя на родине в Приморском крае»⁶⁴. Автор «Молодой гвардии» и «Разгрома» нередко появлялся на трибунах футбольных стадионов. Олеша, близкий друг Старостина, вспоминал о том, что в один из дней на стадион прошел футболист вместе с неким Александром Александровичем, но сообразил о том, кем был последний, лишь потом. «Было интересно думать, что где-то на трибунах будет сидеть Фадеев и смотреть матч»⁶⁵. Фадеев, Олеша, а также Л. А. Кассиль и актер М. М. Яншин часто посещали старинную тренировочную базу футбольного клуба «Спартак», расположенную в подмосковном поселке Черкизово.

Своеобразно относился к футболу и к спорту в целом В. В. Маяковский. Поэт не признавал спортивный бег, любил играть в бильярд, «был игрок спортивно непримиримого характера, верящий только в свои личные возможности и способности»⁶⁶. Что касается футбола, то отношение Маяковского к игре можно назвать отрицательным:

С Маяковским меня познакомил Николай Николаевич Асеев в коридоре небольшого зала Дома Герцена, где Владимир Владимирович в этот вечер читал свои стихи.

⁶³ Например, любовь к конным скачкам. Московский ипподром становился местом встреч Старостина и писателей. См. об этом подробнее: *Старостин А. П. Встречи на футбольной орбите*. М., 1980. С. 46.

⁶⁴ Там же. С. 145.

⁶⁵ *Олеша Ю. К. Книга прощания*. С. 167.

⁶⁶ *Старостин А. П. Встречи на футбольной орбите*. С. 57.

– А, мускулы..., – добродушно-иронически прогудел поэт, протягивая руку, когда Асеев отрекомендовал меня футболистом. Я ответил футбольной строчкой из его стихотворения. Реакция была положительная: в сдержанной улыбке чуть дрогнули уголки рта, и подбородок стал тяжеловеснее⁶⁷.

По мнению А. А. Акмальдиновой, О. А. Лекманова и М. И. Свердлова, за фразой поэта «А, мускулы...» «кроется совсем не “добродушная ирония”, а пренебрежение и, возможно, нежелание вникать в сущность футбола, чтобы отличать его от других видов спорта, занятие которыми с тем же успехом может быть охарактеризовано определением “мускулы”»⁶⁸. В творчестве Маяковского есть стихи о спорте и о футболе, однако предмет изображения и переживание описываемого лирическим героем овеяны негативными коннотациями. Футбол понимается поэтом как «скучная и некрасивая потасовка под прикрытием пышной терминологии»⁶⁹ в поэме «Летающий пролетарий» (1925), как симптом «дачной горячки», отрывающей поэта от работы, в стихотворении «Весна» (1927). Наконец, в стихотворении «Товарищи, поспорьте о красном спорте!» (1928) игра мыслится Маяковским как нецелесообразное спортивное занятие, вследствие которого люди уподобляются животным⁷⁰, а действия людей «изображаются как бессознательные, рефлекторные»⁷¹:

Но зато –

⁶⁷ Там же. С. 56.

⁶⁸ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 92.

⁶⁹ Там же. С. 94.

⁷⁰ Пример экспликации негативного отношения к футболу в прозе 1930-х годов, коррелирующий с отношением к игре в стихотворениях Маяковского, находим в тринадцатой главе романа К. К. Вагинова «Гарпагонинана», в которой незнакомец в разговоре с одним из главных героев произведения, систематизатором Анфертьевым, с ностальгией вспоминая о былых временах, говорит: «А теперь все футбол, бокс – мерзость одна, даже настоящей французской борьбы нет» (Вагинов К. К. Гарпагонинана. Вставки для второй, неоконченной редакции // Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе. СПб., 1999. С. 492.).

⁷¹ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 96.

пивцы!
Хоть бочку с пивом выставь!
То ли в Харькове,
а то ль в Уфе
говорят,
что двое футболистов
на вокзале
вылакали
весь буфет.
И хотя
они
к политучебе вялы,
но зато
сильны
в другом
изящном спорте:
могут
зря
(как выражаются провинциалы)
всех девиц
в округе
перепортить!⁷²

На наш взгляд, авторы монографии о футболе в поэзии 1910-1950 годов точно раскрывают причину неприязни и нелюбви Маяковского к футболу и спорту в целом: «Посвятивший всего себя служению “новому” и яростному отрица-

⁷² Маяковский В. В. Товарищи, поспорьте о красном спорте! («Подымая гири и гантели...») // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. М., 1958. С. 176.

нию “старого”, мечтавший вместе с пионерами и комсомольцами “выволакивать будущее”, но отнюдь не увлекавшийся спортом в целом и футболом в частности Маяковский не мог не испытывать острой ревности, слыша разговоры о футболе как главной игре “молодых”»⁷³.

Изначально негативное отношение к спорту было присуще и М. Горькому, осуждавшему распространение спортивных зрелищ и видевшему в них потворство культуре Запада. Однако в 1930-е годы незадолго до смерти писатель изменил прежнюю точку зрения. Перемена воззрений на спорт иллюстрируется, например, в статье Горького «Динамовец начеку», написанной 12 октября 1932 года. За три дня до появления этой статьи Горький встретился с членами общества «Динамо» и с восторгом говорил о развитии физкультурного движения в СССР. Е. Рябчиков, один из слушателей Горького в тот день, вспоминал:

Физкультура – не самоцель, убежденно говорил Горький, физкультура – средство избавления советского человека от болезненных явлений прошлого, средство оздоровления нашего общества, непрерывного движения и развития в сторону революционной, социалистической организации человеческих единиц и групп.

<...>

Рассказав нам о буржуазном спорте, Алексей Максимович обратил особое внимание на то, что «культурой мускулов» усердно занимаются во всех буржуазных государствах и там эта «культура мяса идет в явный ущерб культуре мозга». Советская физическая культура, говорил Горький, должна быть частью всестороннего, гармонического воспитания умного, красивого, жизнедеятельного человека – творца нового социалистического общества⁷⁴.

⁷³ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 99.

⁷⁴ Рябчиков Е. «Динамо» – это сила в движении // Мы из «Динамо». М., 1968. С. 10.

Горький находился в неопишуемой радости от парада физкультурников, прошедшего в Москве в 1935 году: «Видя эти десятки тысяч юношей и девушек, стройными рядами идущих к великому будущему, чувствуешь волнение, от которого сердце готово разорваться. Чувствуешь и печаль – оттого, что у тебя нет места в рядах этой могучей армии, что ты уже не в силах идти в ногу со временем и, поравнявшись с мавзолеем, крикнуть искреннее “ура!”»⁷⁵

В случаях Маяковского и Горького мы видим, таким образом, влияние на традиционное равнодушие к спорту (или даже его неприятие), на официально проводимое преклонение перед физической культурой как обязательным элементом будущего. Принимая советскую идеологию, писатели впитывали культ физической культуры или хотя бы усваивали внешнюю лояльность к нему.

На протяжении 1920-1930 годов отношение к феномену спорта в советском обществе вызывало противоречивые оценки. Многочисленные дифирамбы, восторженные цитаты, которые с легкостью находятся в мемуарной литературе, перемежаются с критическими суждениями в адрес футбола и спорта в целом. В частности, существовало мнение о футболе как об игре, способной вызывать в населении лишь звериные инстинкты, способствовать проявлению жестокости и насилия. Любопытно, что подобное отношение прослеживалось как до 1917 года, так и после него. В дореволюционное время полиция в России нередко разгоняла «дикие» команды, собиравшиеся на пустырях, чтобы поиграть в мяч. Так, Н. Е. Соколов, первый вратарь сборной СССР, вспоминал:

Царские власти находили, что популярность футбола в рабочей среде угрожает общественной безопасности, и всячески препятствовали распространению этой игры.

<...>

⁷⁵ Горький М. [О параде физкультурников] // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 451.
25

А без политики футбол действительно не обходился. Под видом тренировок и соревнований нередко собирались революционеры. Совещались, получали задание, беседовали с рабочими. Когда же появлялась вблизи полиция, футболисты начинали усиленно штурмовать ворота, а болельщики поднимали такой шум, что никаких сомнений не могло быть: матч в разгаре⁷⁶.

Не менее именитый советский футболист Б. М. Чесноков отмечал: «Играли футболисты на пустырях, причем, как только какой-либо из кружков приобретал популярность и на его игры собиралось много зрителей, полиция изгоняла “дикарей” с облюбованного участка»⁷⁷.

После 1917 года футбол порой расценивался как контрреволюционное явление, расшатывающее сознание рабочего класса. Такое отношение прослеживается в повести Вересаева «Исанка» в эпизоде спора главного героя Чертова с шахматистом Васькой Шилиным. Чертов при всей своей любви к культуре здорового тела отстаивает мнение, что «из культурных способов отвлечения людей от серьезных умственных запросов два самые верные и незаметные – футбол и шахматы. Футбол – для людей со слабою умственностью: вся кровь уходит в ножные мышцы, и для мозга ничего не остается. Шахматы – для людей помозговитее»⁷⁸. Герой повести Вересаева считает, что обе игры «должны бы насаждать в рабочем классе только фашисты, чтобы отучать рабочих думать над серьезными вопросами»⁷⁹.

В связи с выше сказанным неудивительно, что в России переходной эпохи далеко не все единогласно признавали спорт. В его распространении видели опасность для подростков и детей. В глазах многих родителей спорт был

⁷⁶ Соколов Н. Е. Первый вратарь сборной. М., 1968. С. 12.

⁷⁷ Чесноков Б. М. От борьбы «дикарей» с «аристократами» к олимпийским победам // Спортивная жизнь России. 1960. № 12. С. 18.
Сам Чесноков, выступая в составе Рогожского кружка спорта, был вынужден за четыре года сменить шесть игровых площадок.

⁷⁸ Вересаев В. В. Исанка // Вересаев В. В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. С. 200–201.

⁷⁹ Там же. С. 200.

«пустой, детской забавой, неприличной “взрослым”»⁸⁰, которая мешает ребятам познавать окружающий мир. «Отпрашиваться на футбол у отца мы и не пытались: знали, что за одну только мысль об этом – греховную! – будем наказаны»⁸¹, – вспоминал М. П. Сушков. Один из наиболее прославленных советских футболистов первой половины XX века Г. И. Федотов писал: «Не могу сказать, что родители очень одобряли сначала наше увлечение футболом. Боялись, что оно плохо отразится на учебе. Но когда увидели, что футбол учиться никак не мешает, ребята старательно делают уроки, успеваемость хорошая и жалоб из школы нет, решили нам не мешать»⁸².

Годы распространения футбола в России и СССР актуализировали вечную проблему «отцов» и «детей». «Отцы» не желали признавать новое массовое увлечение, а «дети», напротив, делали все возможное, чтобы убежать на пустырь, построить самодельные ворота,делиться на команды и начать играть. «Отцы» возмущаются новой игрой, «дети» ею восхищаются. Проблема воззрений поколений на игру в мяч проходит лейтмотивом сквозь многие прозаические тексты. Она присутствует и в главном художественном произведении на тему футбола в советской прозе первой половины XX века, романе Кассиля Вратарь Республики», где в роли «отца» выступает мама Фрума из общежития рабочих завода Гидраэр:

Двадцать два здоровых вспотевших обормота старательно гонялись друг за дружкой, всячески пакостили друг другу, пихали, валялись, били по очереди ногами мячик, кричали и вообще что есть силы старались умориться. А один этот умник, слава богу уже пожилой человек, бегал со свистулькой и не давал убивать до смерти (Имеется в виду судья матча. – П. Ю.). Что тут было инте-

⁸⁰ Спорт во все времена года. С. 4.

⁸¹ Сушков М. П. Футбольный театр. С. 8.

⁸² Федотов Г. И. Записки футболиста. М., 1959. С. 13.

ресного, за что люди платили деньги, мама Фрума решительно не могла понять⁸³.

Представляется, что «спортивный» извод проблемы «отцов» и «детей» в начале XX века – это культурологический феномен, связанный с более масштабной проблемой столкновения старой и новой культуры на рубеже веков. Популярность футбола в России приходится на переходную эпоху в истории страны. Критика спорта до революции 1917 года вызывалась теми же причинами, что и критика поэтов-футуристов, ниспровергавших в своих манифестах писателей прошлого, устои обывательского быта и общепринятой морали. Неслучайно в юмористическом рассказе А. И. Свирского «Коммивояжирующие Заратустры (Злободневная легенда)» (1913) обыгрывается близость слов «футболист» и «футурист»:

Писатели опять переглянулись. Наступило тяжелое молчание.

– Скажите, пожалуйста, – вдруг обратился к комиссионеру Незеваевский, – футуристы были у вас?

– Кто такие? – переспросил комиссионер, и вытянул шею.

– Футуристы?

– Это фокусники, которые большим мячиком играют?

Писатели расхохотались.

– Нет же, то футболисты, а футуристы это – поэты. Они стихи пишут. Но стихи такие, каких еще никто не слыхал. Понимаете, у них стихи состоят не из слов, а из звуков, и они не читают, а мяукают, каркают, лают⁸⁴.

Несколько позднее (в 1920-е годы) общераспространенным клише в советской периодике становится метафора «футбол-болезнь». Авторы газетных и журнальных заметок подчеркивают, что в увлечении футболом сосредото-

⁸³ *Кассиль Л. А.* Вратарь Республики // *Кассиль Л. А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 2009. С. 179.

⁸⁴ Цит. по: *Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И.* Указ. соч. С. 21–22.

чена огромная сила, потенциал, который необходимо обуздать и использовать на благо общества. По мнению А. А. Акмальдиновой, О. А. Лекманова и М. И. Свердлова, «футбол понимается как “болезнь роста”, эксцесс становящейся юной силы, которую надо должным образом организовать и направить в нужное русло»⁸⁵. Примечательно, что ни высокая вероятность получить травму вследствие грубой игры со стороны соперника, ни перебранки футболистов на поле, ни непригодные поля в своей совокупности не останавливали людей в желании поиграть в мяч. Футбольные встречи нередко заканчивались серьезными травмами игроков. Например, в Ленинграде в декабре 1925 года во время товарищеского футбольного матча «один из игроков, ударившись о лед головой, был вынесен без сознания с поля»⁸⁶. Даже в таком спортивном журнале, как «Спартак», который являлся первым популярным массовым журналом физкультуры в СССР и был призван осуществлять спортивную пропаганду, публиковались статьи, где всерьез говорилось о футболе как о повальной заразе: «Нашей громадной, чрезвычайно нужной работе по физкультуре начинает всерьез мешать футбольное засорение»⁸⁷.

Наравне с серьезными статьями в периодике появлялись и иронические заметки о футбольной болезни. Вот один из наиболее выразительных подобных текстов на интересующую нас тему, опубликованный в газете «Красный спорт» в рубрике «Вместо фельетона»:

Из многих городов сообщают, что появилась новая странная болезнь. Заболевают главным образом мальчики и юноши. Заболевший не может спокойно видеть лежащий на земле круглый предмет или коробку из-под папирос, спичек и т. п., сейчас же начинает ударами ноги “вести” ее перед собой на протяжении многих кварталов, ничего не видя и не слыша кругом. Были уже случаи попадания под автомобиль, трамвай и т. п.

⁸⁵ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 47.

⁸⁶ М-н. Футбольные декабристы или спорт наизнанку // Спартак. 1925. № 1. С. 13.

⁸⁷ Андрей. О футбольной «детской болезни» // Спартак. 1925. № 18. С. 8.

Врачи очень обеспокоены, так как болезнь, по-видимому, заразная и развивается с поражающей быстротой⁸⁸.

Интересно, что случай попадания героя-футболиста под транспортное средство отражен в рассказе П. С. Романова «За этим дело не станет» и имеет ассоциативные связи с приведенной выше газетной заметкой. Герой попадает под трамвай и лишается правой руки (никакой круглый предмет он при этом не «ведет»). Попав в Институт скорой помощи, юноша вступает в диалог с лечащим врачом:

– Руку оторвало, дело простое.

– А, черт!.. Какую?

– Как видите, правую, – сказал врач и мигнул своим помощникам, чтобы готовили к операции.

– Вот чертовщина-то... Что ж я без нее буду делать?..

– А вам что, собственно, нужно?

– Как это «что нужно»? Писать, в лагере работать, на строительстве, наконец – футбол. У меня команда.

– Ну что ж, писать в два счета выучитесь левой рукой, в футбол, как вы сами знаете, руками не играют, а на строительстве за все будете отдуваться головой. Только всего⁸⁹.

Слова врача необходимо уточнить, так как в футбол руками все же играют, и делают это вратари. В тексте не говорится о том, на какой позиции играет главный герой, однако к концу рассказа вопрос разрешается:

– Зато это уж в последний раз со мной такой камуфлет, – сказал сын. –

Ну, ладно, писать выучусь, как говорит доктор, левой рукой, на строитель-

⁸⁸ [Неизвестный автор]. Новая болезнь // Красный спорт. 1924. № 5. 17 августа. С. 3.

⁸⁹ Романов П. С. За этим дело не станет // Романов П. С. Избранные произведения. М., 1988. С. 368.

стве за все буду отдуваться головой, а в футбол с одними ногами еще лучше играть – меньше штрафных будет⁹⁰.

Вероятнее всего, герой является полевым игроком. Игроки любого футбольного амплуа способны игрой руками нарушить правила как в пределах штрафной площади (вратарь), так и на любом другом участке поля (нападающие, полузащитники, защитники). Однако вратарю для успешной игры необходимы руки, так как без них он оказывается более уязвимым. Именно поэтому вратарю и только ему дано право играть руками. Вне зависимости от того, какую игровую позицию занимает герой, в рассказе Романова констатируется правдивый факт: без игры руками существует меньшая вероятность заработать фол («меньше штрафных будет»).

1.3. Отношение к футболу в рамках проблемы воспитания и ее решение в повестях Н. Огнева и Н. Н. Носова

Прения по поводу пользы и вреда игры в мяч были неотъемлемой частью как в отношениях «отцов» и «детей», так и в отношениях учителей и учеников в учебных заведениях: «Педагоги относились сначала с предубеждением к новой игре. Нередко тех, кто прослыл футболистом, сажали в карцер, а на экзаменах “резали”»⁹¹. Еще до 1917 года в периодике активно обсуждалось внедрение спорта в школе. Так, одна из заметок в газете *Футбол* за 1914 год осуждала негативное отношение педагогов к спорту и призывала к изменению настроений в обществе в этом вопросе: «Нравственность юноши тесно связана с физической крепостью всего организма, нормальный спорт всегда облагораживает человека, и поэтому надо поставить его на должную высоту и забыть о том, что спорт есть развлечение или что-то такое, что должно заполнить свободное время»⁹². Автор также призывает к тому, что спорт и шко-

⁹⁰ Там же. С. 370.

⁹¹ *Коршак Ю. Ф.* Старый, старый футбол. С. 93.

⁹² *Евтихийев Д.* Спорт и школа // *Футбол*. М., 1914. № 8. 17 мая. С. 3.

ла являются равноправными в качестве факторов, «способных дать России молодую и крепкую молодежь»⁹³. Так и происходит с установлением советской власти и массовой популяризацией спорта в СССР, о чем мы писали во введении к настоящему исследованию.

Конфликт учеников и преподавателей в отношении футбола нашел свое отражение и в некоторых прозаических текстах советской литературы первой половины XX века. Наиболее полно, на наш взгляд, столкновение взглядов учителей и учеников на футбол отражено в повестях Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1927) и Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» (1951).

Произведение Огнева построено в форме дневниковых записей, которые ведет ученик второй ступени Костя Рябцев. Автор повести поднимает ряд насущных проблем, с которыми столкнулось советское общество в 1920-е годы. Особенное внимание уделяется воспитанию и дисциплине школьников. В нескольких записях Кости Рябцева речь заходит и о футболе. При всей своей непохожести на романы «Зависть» и «Вратарь Республики», центральные прозаические произведения советской литературы, в которых отражена футбольная проблематика, в «Дневнике Кости Рябцева» зафиксированы многие футбольные реалии начала XX века. Особенно насыщенной в этом отношении выглядит запись от 5 августа, целиком посвященная игре в футбол. Костя проводит почти все время на футбольной площадке, играет правого хава, т. е. правого полузащитника. Иногда он заменяет правого инсайда, т. е. правого полусреднего нападающего – одного из центральной тройки нападения. «Пробовал я стоять за кипера, но капитан меня перевел, потому что я все время выбегаю из ворот»⁹⁴. Обращает на себя внимание, что ампуа игроков в повести Огнева передаются кальками с английского языка: хав, кипер, инсайд, бек. Выше мы отмечали, что попытки уйти от механического перенесения на русскую почву иноязычных спортивных терминов и заменить английские наименования осуществлялись уже в 1910-х годах, однако в последую-

⁹³ Там же.

⁹⁴ Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. М., 1966. С. 156.

щие десятилетия сосуществовали обе традиции освещения футбольной игры. Это касается как публицистики, так и художественной литературы, что и демонстрирует нам повесть Огнева.

В записи от 5 августа «Дневника Кости Рябцева» ставится проблема футбольной команды как коллектива, в котором каждый игрок ставит превыше всего общий успех, а не индивидуальный. Костя пытается спорить с капитаном команды об особенностях игры голкипера, но в конце концов подчиняется его решению, «потому что футбольная команда есть коллектив и в этом коллективе должна быть строжайшая дисциплина, иначе можно провалить всю игру»⁹⁵. В конце 20-х годов футбольное сообщество в СССР пришло к мысли о том, что главным в футболе является пас, командные взаимодействия. Игрок не должен бросаться в дриблинг, стремясь обвести защитников соперника и блеснуть индивидуальными игровыми навыками, если есть возможность отдать партнеру пас и найти свободную зону для открывания под очередную передачу. Провозглашался комбинационный принцип игры. Именно переход на новую тактику, по воспоминаниям известного советского футболиста П. В. Батырева, позволил сборной СССР в 1927 году после поражения от сборной Нижней Австрии со счетом 0:3 разгромить соперника в ответной игре в Лейпциге со счетом 6:1⁹⁶.

Ученики в повести Огнева делятся на «школьников» и «союзников». Первые придерживаются старых школьных правил, вторые же проповедуют самодисциплину и нежелание подчиняться только воле педагогов, признают лишь решение школьного совета (например, они не встают, когда в класс входит преподаватель). «Союзники» играют на местной площадке в футбол:

Было очень весело, потому что во время большого перерыва мы, все «союзники», выскочили на двор и стали играть в футбол. Погода довольно теплая, а снег утопанный, поэтому играть было легко. А «школьники» смотрели на нас

⁹⁵ Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. С. 156.

⁹⁶ Батырев П. В. Победа новой тактики // Рассказы старых спортсменов. М., 1951. С. 85–96.

с завистью: им тоже очень хотелось играть, но по ихним, школьным, правилам футбол до весны запрещен, – на школьном дворе, по крайней мере. В другие игры можно играть, которые физкультурщик показывает, а в футбол нельзя, потому что, как говорит Зинаидица, «футбол вредно отзывается на занятиях»⁹⁷.

Деление на два лагеря нивелируется в тот момент, когда принимаются требования «союзников» об отмене обязательного вставания и приветствия. Кроме того, разрешается играть в футбол:

Согласительная комиссия с участием представителей ячейки постановила отменить обязательное здорованье и вставание. Права учкома расширены: так, например, дела, касающиеся только учеников, будут теперь разбираться только учкомом; в шкрабиловку и в школьный совет пойдут только дела, касающиеся и шкрабов и учеников. В футбол играть можно.

«Союз» кончился⁹⁸.

Приведенная запись от 14 декабря – это сюжетное решение коллизии «школьников» и «союзников», но не решение проблемы отношения к футболу учеников и «шкрабов». Дальнейшие записи отражают никуда не исчезнувшее столкновение противоположных взглядов на игру. Например, в записи от 13 января повествуется о споре, разгоревшемся между ребятами и «шкрабами». Ребята выступают против танцев, а преподаватель Елена Никитична и ученица Черная Зоя – против футбола. Первые считают, что футбол – это физкультура, вторые утверждают, что футбол представляет собой одну грубость, и мальчики попросту не хотят танцевать, потому что не умеют. В отличие от танцев – «захватывающего развлечения»⁹⁹, по мнению Зинаиды

⁹⁷ Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. С. 57.

⁹⁸ Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. С. 60.

⁹⁹ Там же. С. 74.

Павловны, – футбол таковым зрелищем назвать нельзя. Здесь прослеживается гендерный аспект проблемы: танцы воспринимаются как женское развлечение, а футбол – как мужское.

Январские дебаты продолжаются в последующей записи дневника от 7 августа. Костя Рябцев все учебное время провел на футбольной площадке, дав перед этим обещание Зинаиде Павловне регулярно посещать занятия в летней школе. В результате герой спровоцировал конфликт с преподавателем, и в центре спора вновь оказывается футбол:

Я сказал, что теперь еще лето, и вполне естественно больше находиться на воздухе, чем в помещении, и что вообще необходимо как можно больше заниматься физкультурой.

А Зин-Пална возразила, что это нужно делать организованно и что, раз дал обещание, нельзя его нарушать. Кроме того, по ее мнению, футбол вовсе не физкультура, а очень вредная игра, которую можно сравнить с курением или с пьянством. Она так затягивает человека, что его и не оттащишь от футбола, и этому пример – я.

Я в ответ стал доказывать, что футбол воспитывает коллективное чувство и всесторонне развивает организм, но Зин-Пална сейчас же сказала, что видит результаты как раз обратные, а именно: раз я не являюсь на занятия своего коллектива из-за футбола, так какие же коллективные чувства футбол воспитывает.

В общем, было очень неприятно, и из-за футбола придется вести борьбу.

Я несколько времени слонялся по школе и уже собрался уходить, как вдруг меня зовет Сильва, и мы с ней засели в аудитории и начали разговаривать. Я рассказал ей насчет футбола и Зин-Палны, и Сильва сказала, что, по ее мнению, Зин-Пална права и что ребята слишком увлекаются футболом¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. С. 159.

Противоположное отношение к игре в мяч обнаруживается в повести Носова, написанной практически четверть века спустя. В пятой главе произведения приводится диалог учеников 4 класса с учительницей Ольгой Николаевной, посвященный правильному распорядку дня школьника. В отличие от Зинаиды Павловны из повести Огнева, Ольга Николаевна придерживается положительного мнения о футболе как способе отдохнуть:

– Очень хороший отдых – игра в футбол, – сказала Ольга Николаевна, – только не надо, конечно, играть весь день. Если поиграешь часок, то очень хорошо отдохнешь и учиться будешь лучше¹⁰¹.

Для четвероклассника Вити Малеева, главного героя произведения Носова, изменить распорядок дня становится очень тяжелой задачей. Он пытается бороться со своими недостатками, но в первый же день после назидательного разговора с Ольгой Николаевной идет играть в футбол перед тем как делать домашнее задание:

Я твердо решил играть не больше чем полтора часа, от силы – два, но, как только я попал на футбольное поле, у меня все из головы вылетело, и я очнулся, когда уже совсем наступил вечер. Уроки я опять стал делать поздно, когда голова уже плохо соображала, и дал сам себе обещание, что на следующий день не буду так долго играть. Но на следующий день повторилась та же история¹⁰².

Футбол становится искушением для юных учеников, средством испытания воли. Игра, во-первых, способствует осознанию ребятами своей безвольности и слабого характера, а во-вторых, предстает в повести Носова как дурная привычка. Такова функция футбола в повести Носова. Если у Огнева вопрос

¹⁰¹ Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома // Носов Н. Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 2008. С. 476.

¹⁰² Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома // Носов Н. Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. С. 479.

об отношении к футбольной игре остается нерешенным вплоть до конца произведения (проблема лишь ставится, но не решается), то у Носова этот вопрос решается: игра – хорошее средство проведения досуга, однако прежде необходимо сделать дело. Так и происходит в финале повести Носова: Витя и Костя исправляют неудовлетворительные оценки и переходят в пятый класс с одними пятерками. Героям удается побороть свои недостатки.

В значительной степени оценка футбола в детской повести изменилась в связи с общими процессами, произошедшими в СССР. Огнев, учитель по профессии, сформировался еще до революции и, вероятно, сам не был уверен, полезна или нет новая игра, популярность которой у школьников была уже вполне очевидна. Во времена Носова достижения советского футбола (и их изображение в искусстве, например, Кассилем) получили не только массовое, но и официальное признание. Поэтому проблема переместилась с оценки самой игры на оценку психологических качеств ее участников.

1.4. Краткие выводы

Таким образом, отношение к футбольной игре в первой половине XX века было крайне неоднородным и отличалось широкой палитрой мнений. Футбол как одно из популярнейших явлений спорта оказывался предметом противостояния представителей разных поколений; гендерных споров; социальной борьбы; эстетической полемики; конфликта разных педагогических систем.

Разнообразие суждений о футболе и спорте в целом, их общественная и культурная значимость отражалось в художественных произведениях множества авторов и способствовало возникновению ряда литературных образов героев-футболистов, которые пополняют и обновляют галерею персонажей советской литературы, а вслед за тем новых мотивов и сюжетных моделей в повествовательной прозе. Рассмотрев суждения о футболе в мемуарной литературе и в некоторых художественных произведениях, мы можем перейти к

анализу системы художественных образов в прозаических текстах 1910–1950-х годов, содержащих эти новые типы и сюжетные положения.

Глава II. Образы футболистов и болельщиков в советской прозе первой половины XX века

2.1. Вратарь

Массовая популярность футбола обуславливает факт отражения этой игры в литературных произведениях. Спорт входит в мир художественной литературы, тем самым расширяя ее рамки: «За экстенсификацией художественного пространства и времени стояло представление о расширении обстоятельств, в которых отныне существует человек, о раздвижении его личного опыта и той сферы действительности, которая воздействует на формирование его характера»¹⁰³.

Из всех футбольных амплуа в советской прозе первой половины XX века наиболее часто встречаются вратарь и нападающий. Спортивная дуэль игроков этих амплуа воспроизводила метафорически ситуацию военного сражения или психологического столкновения. На это обратил внимание еще в конце XIX века Е. М. Дементьев, автор книги «Английские игры на открытом воздухе», опубликованной в 1891 году. Говоря о футболе, он отмечал: «В настоящее время прежняя дикая игра превратилась в своего рода

¹⁰³ Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. С. 31.

науку: это игра с атаками, ошибками, обходами, с застрельщиками и с резервами, одним словом, *война со своей стратегией и тактикой*¹⁰⁴ (Курсив наш. – П. Ю.). «Никакой другой спорт в то время не способен был так моделировать ситуацию борьбы, схватки, как это делал футбол»¹⁰⁵, – писал о 1920-х годах М. П. Сушков. В противостоянии футболистов голкипер оказывается положительным персонажем, а форвард – отрицательным. По словам М. О'Махоуни, голкипер «становится главным символическим защитником советского государства»¹⁰⁶.

Следует отметить, что вратарь далеко не сразу стал центральным по амплу персонажем в советском футболе и на первых порах заметно уступал полевым амплу, особенно форварду. Первый вратарь сборной СССР Н. Е. Соколов вспоминал: «Тогда, на заре русского футбола, в ворота ставили того, кто был мало пригоден для игры в поле. Роль вратаря мы, ребята, не уважали»¹⁰⁷. «В ворота шел слабейший»¹⁰⁸, – писал В. П. Бутусов. Функция вратаря как стража, «главного защитника»¹⁰⁹, героически защищающего последний рубеж обороны своей команды, была по-настоящему осознана на стыке 1920–1930-х годов. Об особом романтическом ореоле, которым окружен вратарь, писал В. В. Набоков, игравший в юности в футбол как раз на позиции голкипера:

В его одинокости и независимости есть что-то байроническое. На знаменитого голкипера, идущего по улице, глазают дети и девушки. Он соперничает с ма-тадором и с гонщиком в загадочном обаянии. Он носит собственную форму; его вольного образца свитер, фуражка, толстозабинтованные колени, перчатки,

¹⁰⁴ Дементьев Е. М. Английские игры на открытом воздухе. С. 58.

¹⁰⁵ Сушков М. П. Футбольный театр. С. 95.

¹⁰⁶ О'Махоуни М. Указ. соч. С. 177.

¹⁰⁷ Соколов Н. Е. Первый вратарь сборной. С. 9.

¹⁰⁸ Бутусов В. П. Мы были Колумбами в русском футболе. С. 22.

¹⁰⁹ Футбольный спорт – источник силы и здоровья. Харьков, 1915. С. 9.

торчащие из заднего кармана трусиков, резко отделяют его от десяти остальных одинаково-полосатых членов команды. Он белая ворона, он железная маска, он последний защитник¹¹⁰.

Спортивные успехи советской сборной (победы в международных матчах против рабочих команд Финляндии, Швеции, Норвегии, Турции, Германии, Нижней Австрии, Венгрии), безусловно, способствовали все большей популяризации футбола в государстве. Кроме того, на усиливающийся интерес к игре и, в частности, к фигуре голкипера повлияли художественные произведения советских писателей. Первым прозаическим текстом, в котором возникает образ вратаря, является роман Ю. К. Олеси «Зависть», опубликованный в журнале «Красная новь» в 1927 году.

Прежде чем перейти к аналитической части нашего исследования, предварительно оговорим, что произведения, где явно противопоставлены голкипер и форвард, рассматриваются в подглавке «Вратарь», а тексты, где фигурирует только нападающий, – в подглавке «Нападающий». Наш подход объясняется тем, что, как нам представляется, спортивную дуэль футболистов невозможно рассматривать отдельно друг от друга. Последующие страницы нашего исследования прояснят это предварительное замечание. Если привести пример из анатомии, то вратарь и нападающий подобны почкам в человеческом организме, покрытым соединительной мембраной. Они неразрывны в своем единстве на поле, их борьба формирует интригу как в реальном футбольном матче, так и в художественной литературе. В такой своеобразной диалектике взаимоотношений ведущих действующих лиц, на наш взгляд, и содержится ключ к пониманию поэтики большинства произведений на тему футбола. Кроме того, тексты только с героями-нападающими отличаются тем, что в них отсутствуют герои-вратари. Вот еще одна причина, по которой мы разводим произведения на две группы.

¹¹⁰ Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 5. С. 307.

2.1.1. Зарождение концепции «вратарь – защитник нации» в художественной литературе. Образ Володи Макарова в романе Ю. К. Олеси «Зависть»

А. П. Старостин, представитель знаменитой футбольной династии Старостиных, писал, что «“Зависть” явилась первым художественным произведением, в котором писатель затронул спортивную тему, в частности футбол, давно уже завладевший сердцами мальчишек»¹¹¹. Приведенная цитата требует уточнения. Старостин имеет в виду первое *описание* футбольного матча как такового, так как первым писателем, *затронувшим* спортивную тему, Олеша, конечно же, не был. Достаточно вспомнить рассказ А. С. Бухова «Путь к здоровью», написанный еще в 1915 году. Здесь героиня пытается заняться оздоровлением молодого человека, представленного увальнем и неврастеником, не имеющим никакого желания заниматься спортом. Уже здесь упоминается игра в футбол. В том же 1915 году была написана повесть Л. А. Чарской «Генеральская дочка», в которой возникает образ воспитанницы пансиона Сони Аладьиной, увлекающейся спортом:

Она делала гимнастику утром и вечером, проводила большую часть своего времени на свежем воздухе, за партией тенниса или в лодке, иногда играла с дачными соседями-мальчуганами в футбол, приводя этим в ужас почтенную директрису пансиона, или «выжимала» пуды при помощи тяжелых гирь¹¹².

В середине 1920-х годов в советскую художественную прозу вливаются новые спортивные реалии и, как следствие, новые метафоры и сравнения. Они возникают спонтанно у разных авторов. В частности, в одной из глав повести Б. А. Лавренева «Крушение Республики Итль» (1925), опубликованной за два года до появления «Зависти» Олеси, движение одного из героев, грузного Антония Баста, уподобляется движению футбольного мяча: «Вдруг над

¹¹¹ Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 56.

¹¹² Чарская Л. А. Генеральская дочка // Чарская Л. А. Полное собрание сочинений: В 54 т. Т. 25. М., 2006. С. 28–29.

скопищем прижатых друг к другу человеческих голов появилось нечто шарообразное с привязанным к нему желтым чемоданом и покатилося по головам, как футбольный мяч по полю. Это Антоний Баст в последнем отчаянии стремился опередить сограждан»¹¹³. Перемещение персонажа сравнивается с движением спортивного снаряда¹¹⁴. Известен также пример из рассказа Б. А. Губера «Мертвецы» (1927), в котором глобус используется в качестве футбольного мяча: «К выбеленной мелом голландке придвинута поношенная фисгармония. Рядом – стеклянный шкафчик-горка (библиотека), а на нем глобус из папье-маше, с проломленным боком: как-то по пьяной лавочке задумали шаром земным играть в футбол»¹¹⁵. В поэзию футбол вливается еще раньше. А. А. Акмальдинова, О. А. Лекманов и М. И. Свердлов приводят в качестве первого стихотворного текста, в котором описывается игра в мяч, «Сквозной ветер» Саши Черного. Это стихотворение датировано 1910 годом¹¹⁶.

Что же касается создания героев-футболистов в советской прозе, то в этом аспекте Олеша действительно стал первопроходцем. О «Зависти» существует обширная критическая и научная литература, в которой уделяется значительное внимание и образу юного футболиста Володи Макарова, и противостояние этому персонажу Николая Кавалерова, от лица которого написана первая часть романа. Мы не ставим своей задачей дать очередную интерпретацию этого чрезвычайно сложного и противоречивого текста, не стремимся выявить авторскую позицию, которая крайне затемнена и нуждается в особом

¹¹³ Лавренев Б. А. Крушение республики Итль // Лавренев Б. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 1982. С. 215

¹¹⁴ Что касается поэзии, то еще в 1913 году В. Я. Брюсов в стихотворении «У круглого камня» заложил традицию уподобления мяча огромному валуну. При этом у Брюсова, в отличие от Лавренева, отсутствует движение предмета изображения: камни статичны и лежат в воде и на земле (См. об этом.: Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 36–37).

¹¹⁵ Губер Б. А. Мертвецы // Перевал. Сборник пятый. М., 1927. С. 117.
В поэзии традицию уподобления футбольного мяча планете заложил К. А. Липскеров в стихотворении 1915 года «Может быть, это только злые дети...» (См. об этом в кн.: Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 35).

¹¹⁶ Там же. С. 9–10.

исследовании. В этой работе нас интересуют три аспекта. Во-первых, восприятие современниками, занимавшими разные позиции по отношению к роли спорта в жизни, образа Володи Макарова как футболиста и как представителя молодого поколения, нового типа советских людей. Во-вторых, анализ сцены футбольного состязания как вставной новеллы, принципиально значимой для дальнейшего развития в советской литературе спортивной темы. В-третьих, принципы изображения Олешей образов футболистов, их взаимоотношений и хода игры вне общей концепции романа в плане отношения автора и его современников к спорту. Соотнесение всего этого с художественным миром романа «Зависть» и системой его идей требует отдельного подробного исследования и выходит за рамки настоящей работы.

Вратарь Володя Макаров является представителем нового поколения советских людей. Проблема создания нового человека была одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов в СССР в 1920–1930-е гг. Отражение этой проблемы в романе одним из первых подметил нарком просвещения СССР А. В. Луначарский: «Показать нового человека – какая несомненно огромная задача! С большой свежестью она выполнена, например, в “Зависти” Олеси, где автор поставил проблему о тонко организованном человеке старого мира, который испытывает муки смешанного восторга и ненависти, амальгамирующихся в зависти к новому человеку»¹¹⁷. Едва ли не каждый обращавшийся в последующие десятилетия к проблемам творчества Олеси отмечал специфику образа Володи Макарова как представителя новой генерации. Однако факт увлечения героя футболом в сознании критиков и литературоведов не укладывался в парадигму фигуры нового человека. Олеша предугадал невероятную популярность спорта в СССР, именно поэтому в вопросе освещения футбола как нового феномена культуры роман произвел положительное впечатление на подростков, увлекающихся спортом, а также наперервой обсуждался в кругах футболистов. «“Затаенность гордых мечтаний” –

¹¹⁷ Луначарский А. В. Актуальнейшие темы художественной литературы // Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1964. С. 451.

вот струнка, которую автор задел в душе молодых спортсменов совсем еще молодой Советской Республики»¹¹⁸. Если использовать формулировку Ю. М. Лотмана, спорт – это одна из систем, «кодовая природа которых не известна аудитории до начала художественного восприятия»¹¹⁹. С введением спорта в художественный текст происходит тот же процесс, что и при публикации новаторского литературного произведения. Сначала текст порождает «эстетику противопоставления»¹²⁰ и отрицания, но затем проходит время, публикуются другие тексты, и наступает «эстетика отождествления»¹²¹, пора признания. История спортивной темы в советской литературе оправдывает этот закон: через 10 лет после публикации «Зависти» был издан роман Л. А. Кассиля «Вратарь Республики», затмивший собой все остальные тексты, в которых так или иначе ведется речь о футболе. Советская критика, упрекнув Кассиля во многих недостатках, единогласно признала, что писателю великолепно удались описания футбола. Не случайно впоследствии Кассиля нарекут «поэтом популярнейшей игры»¹²².

Осмысление современниками образа юного футболиста из романа «Зависть» все время выходило во внелитературную сферу, за рамки текста, выстроенного исходя из авторского замысла. Последний мало интересовал критику. Володя Макаров вырос в типическую фигуру внелитературного плана. О нем говорили не как о вымышленном, а как о реальном или потенциально возможном лице, на примере которого обосновывались эстетические и общественные предпочтения участников полемики. Общим местом в работах, посвященных этому герою «Зависти», оказывается неприятие физиологической составляющей его образа, а также недоумение в бесчувственности героя по

¹¹⁸ Воспоминания о Юрии Олеше. С. 56.

¹¹⁹ *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 277.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² *Рахманов И. А.* Ранний Кассиль // Жизнь и творчество Льва Кассиля. М., 1979. С. 269.

отношению к окружающему миру. Вот один из упреков в сторону автора «Зависти»:

Я чувствовала, что мы все кажемся вам уж очень механизированными и вечно смеющимися людьми, и в то же время я знала, что ни я сама, ни мои товарищи комсомольцы совсем не похожи на Володю. Мы так же, как и он, занимались физкультурой, мы так же, как и он, восхищались машинами и техникой, но мы вовсе не хотели быть человеком-машиной, о чем мечтал Володя. Мы страстно боролись, мы бурно чувствовали, и меня поразило, как вы в этом можете нам отказывать¹²³.

Испытываемое «старой комсомолкой» и ее друзьями разочарование в персонаже показывает, что эти наивные читатели явно отождествляли его с какими-то реальными и близкими им людьми.

В. П. Полонский, редактор «Нового мира» и сторонник, в целом, традиционной, далекой от авангарда, эстетики, отрицательно воспринял образ Володи Макарова, расценив его как пародию на нового человека: «Облик “нового человека” сделан так, что в нем действительно, кроме хороших мышц, нет ничего замечательного. Подобно Андрею (Бабичеву. – П. Ю.), он лишен воображения. У него нет дарований. Его ноги работают лучше головы. Он говорит суконным языком»¹²⁴. Подробную же характеристику позднее встречаем, например, у И. П. Вдовиной, которая утверждала: «“Новый Эдисон” и “футболист” – сопоставление этих понятий снижает образ. Володя удивляет и покоряет, и вызывает одновременно ироническую улыбку»¹²⁵.

На фоне подобных суждений выделяются слова В. О. Перцова: «Эпизод футбольного матча, где Володя Макаров, вратарь советской команды, играет

¹²³ Чернова В. Письмо «старой комсомолки» Юрию Карловичу Олеше // Молодая гвардия. 1935. № 1. С. 157.

¹²⁴ Полонский В. П. Преодоление «Зависти» (о произведениях Ю. Олеси) // Полонский В. П. Очерки современной литературы. М., 1930. С. 26.

¹²⁵ Вдовина И. П. Проблема героя в романе Ю. Олеси «Зависть» // Проблемы реализма. Вологда, 1966. С. 147.

против немецкой команды со знаменитым Гецкэ – центральным форвардом, относится к числу художественно совершенных реалистических страниц романа Олеси. Вся картина увидена глазами автора, а не опосредована им через героев, выражает отношение художника к тому, что он видит, – вот что очень важно»¹²⁶. Футбольный матч между сборной командой Москвы, ворота которой защищает Володя Макаров, и немецкой командой описан в VIII–IX главах второй части романа. По мнению Перцова, Олеша, вопреки содержанию своей речи, произнесенной на Первом съезде Союза писателей в 1934 году, в которой писатель отождествил себя с главным героем романа Николаем Кавалеровым, полностью стоит на стороне голкипера и, наоборот, противопоставляет Кавалерову Володю Макарова: «Он (Олеша. – П. Ю.) наделяет его (Володю Макарова. – П. Ю.) своими мыслями, он хочет показать Володю Макарова не только на футбольном поле, но и как своего рода философа революции, молодого апостола индустриализации»¹²⁷. Мы не склонны считать, что в случае с «Завистью» уместно говорить о полноценном отождествлении позиции реального автора с позицией Володи Макарова. Трактовка Перцовым образа футболиста во многом объясняется взглядами самого критика. В юности он был близко знаком с А. К. Гастевым и испытал сильное влияние его идей. Гастев, создатель Института научной организации труда, мечтал о том, чтобы все человеческие процессы четко регулировались разумом, он и воспринимался современниками как главный пропагандист «людей-машин». Позднее Перцов был сначала активным сотрудником журнала «На посту», потом членом ЛЕФа. Очевидно, в этих враждующих группировках его привлекало именно то, что было в них общего: прагматический, рационалистический подход к жизни, к человеку, преклонение перед техническим прогрессом, горячее приветствие всех революционных преобразований в обществе. Понятно, что все самое близкое Перцову сконцентрировано в образе Володи

¹²⁶ Перцов В. О. «Мы живем впервые»: О творчестве Юрия Олеси. М., 1976. С. 128.

¹²⁷ Там же. С. 135.

Макарова. Между тем, Олеша был далек от идеологии пролетарских писателей и ЛЕФа.

Однако Перцов прав в другом. Он не соглашается с мнением о том, что спорт как новое явление в жизни человека конца 1920-х гг. оказывает отрицательное воздействие на образ героя в целом. Перцов, напротив, справедливо утверждает: «Эстетика здорового, ловкого, физически богатого тела, тренированного жеста рождает у Олеша предчувствие слияния античной и современной красоты в идеальном гармоническом человеке коммунистического общества»¹²⁸. Другими словами, критик заметил объективное присутствие в романе «Зависть» новых эстетических тенденций, о которых мы уже писали выше: красота тела, занятия физической культурой не идут вразрез с другими занятиями нового человека, а дополняют его и доводят до совершенства (ср. одновременно написанную повесть Вересаева «Исанка», о которой уже шла речь). Новый человек должен быть молод и силен с физической точки зрения. «Это обеспечивало успешное выполнение трудовых задач и защиты отечества с оружием в руках»¹²⁹. Именно таким и является Володя Макаров.

Олеша, несомненно, симпатизирует своему герою, хотя трудно утверждать, в какой мере и во всем ли. Более того, Кавалеров, герой-антагонист Макарова, испытывает к последнему зависть, то есть признает его очевидные достоинства. Писатель, несмотря на ностальгические ноты во многих своих произведениях, был вполне современным человеком. Он гордился тем, что застал время рождения спорта, нередко упоминал о различных спортивных событиях в своих дневниковых записях. Автор «Зависти» в юности часто посещал цирк, мечтал стать прыгуном: «Мальчиком и многие годы потом, уже взрослым человеком, из всех зрелищ я больше всего любил цирк. <...> Также и пробуждавшаяся чувственность находила свои тайные воплощения в образах цирка»¹³⁰. Олеша любил играть в футбол во время обучения в Ришельев-

¹²⁸ Перцов В. О. «Мы живем впервые»: О творчестве Юрия Олеша. С. 155.

¹²⁹ О'Махоуни М. Указ. соч. С. 31.

¹³⁰ Олеша Ю. К. Книга прощания. С. 290.

ской гимназии в Одессе, гордился тем, что играл в составе команды «Спортинг-клуб» с знаменитым нападающим Г. Г. Богемским. По воспоминаниям Старостина, Олеша был приверженцем наступательного футбола, «неоднократно высказывал свою триединую ипостась – красота, сила, честь»¹³¹, не скрывал возмущения, когда игра была «грязной» – полной нарушений правил и грубым отношением игроков команд друг к другу. Писатель не был профессиональным футболистом, но это не мешало ему играть на любительском уровне, быть заядлым болельщиком¹³² и частым зрителем на трибунах футбольных стадионов¹³³. Представляется, что вхождение футбольной составляющей в ткань повествования «Зависти» – это закономерный процесс в творчестве писателя.

Игра в футбол открывает возможность продемонстрировать способности нового человека в деле. Володя Макаров защищает ворота сборной команды Москвы, которая играет против немецкой команды. Начиная с романа «Зависть», в советской литературе рождается метасюжет противостояния вратаря и нападающего. У Олеша этот конфликт погружен в общественно-политическую сферу. Автор «использует футбольный матч для резкого противопоставления советского “нового человека” и человека западного»¹³⁴. Многие исследователи обращают внимание на идеологический аспект противостояния Володи Макарова и Гецке, однако, в сущности, особенность конфликта

¹³¹ Старостин А. П. Встречи на футбольной орбите. С. 129.

¹³² Спортивная симпатия Олеша была на стороне команды ЦДКА (Центральный Дом Красной Армии). Она во многом определялась тем, что за ЦДКА в те годы выступал блестящий советский нападающий Г. И. Федотов. Писатель был одним из многих почитателей его таланта.

¹³³ Ср. также заявление Олеша в комитет по делам физкультуры при СНК: «Я начал заниматься футбольным спортом с 1915 года. // Тогда футбол в России только зарождался, были известны только правила и некоторые элементарные <правила> приемы игры. Отдельные команды поставили себе целью выработку того класса игры, который мог бы идти вровень с европейскими командами того времени. // Одной из таких команд была команда СКЗ (Спортивный клуб Замоскворечья), в составе которой был и я. // Своей игрой мы подняли зарождавшийся в России футбольный спорт на большую высоту. // В 1918 году наша команда выиграла первенство Москвы. Целый ряд отзывов об игре этой команды имеется в спортивных журналах, в частности в журнале “Спорт”. // Я по качеству своей игры находился долгое время в ряду таких игроков, как [П. Е.] Исаков, [П. А.] Канунников, [Н. Е.] Соколов, [Ф. И.] Селин. Все эти мастера могут подтвердить мои слова» (Цит. по: Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. СПб., 2017. С. 402.).

¹³⁴ О'Махоуни М. Указ. соч. С. 177.

между персонажами открыто явлена читателю в тексте и не вызывает затруднений в выявлении:

Как футболист, Володя представлял собой полную противоположность Гецкэ. Володя был профессионал-спортсмен, – тот был профессионал-игрок. Володе был важен общий ход игры, Общая победа, исход, – Гецкэ стремился лишь к тому, чтобы показать свое искусство. Он был старый, опытный игрок, не собиравшийся поддерживать честь команды; он дорожил только собственным успехом; он не состоял постоянным членом какой-нибудь спортивной организации, потому что скомпрометировал себя переходами из клуба в клуб за деньги. Ему запретили участвовать в матчах на розыгрыш первенства. Его приглашали только на товарищескую игру, на показательные матчи и на поездки в другие страны. Искусство соединилось в нем с везением. Его участие делало команду опасной. Он презирал игроков – и тех, с которыми играл, и противников. Он знал, что забьет любой команде мячи. Остальное ему было не важно. Он был халтурщик¹³⁵.

Представители команд олицетворяют два мира и исповедуют две философии. «Во время футбольного матча каждый игрок имеет возможность проявить все свои личные качества, но игра в то же самое время требует подчинения личных стремлений каждого футболиста общей цели»¹³⁶, – именно такой командной философии – «не на эффект, не “на зрителя”»¹³⁷ – придерживается Володя Макаров. Гецкэ – представитель капиталистического мира в рамках «Зависти». Как футболист, он предстает индивидуалистом, не делится мячом с партнерами. «В каком же смысле Гецкэ халтурщик? В смысле безразличия к общему делу, противопоставления себя коллективу»¹³⁸, – отмечает

¹³⁵ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. С. 143.

¹³⁶ Фролов В. В. Футбол в СССР. С. 12.

¹³⁷ Там же. С. 14.

¹³⁸ Перцов В. О. «Мы живем впервые»: О творчестве Юрия Олеша. С. 129.

Перцов. Немецкий форвард играет как индивидуалист, что роднит его с Юшкой Громовым, одним из героев повести Огнева «Дневник Кости Рябцева», которую мы рассматривали в первой главе нашего исследования:

Например, в нашей же второй команде Юшка Громов играет левого края, так он всегда водит, и кончается тем, что у него выбивает бек, а иногда и хав догоняет. Мы уже говорили Юшке, что так нельзя и что если каждый будет водить, то не получится пасовки и всякая пасующая команда нас одолеет. Но Юшка стоит на своем. Он уверяет, что знаменитый левый край Кукушкин тоже всегда водит и что так легче всего прорваться к чужому голу¹³⁹. Капитан наконец пригрозил Юшке, что если он будет водить, то его переведут в третью команду и не дадут выступать на ответственных состязаниях. Юшка дал обещание, что не будет больше водить, а вчера была тренировка с третьей командой, и он все-таки водил. Правда, на этот раз ему удалось три раза обвести беков и забить три гола, но капитан сделал ему выговор¹⁴⁰.

Немецкой команде выпадает играть первый тайм «по ветру»¹⁴¹: природная стихия помогает футболистам, на протяжении первых 45 минут мяч сдувает к воротам Володи Макарова. В конце тайма Гецкэ удается забить мяч и открыть счет в игре. Интересно, что Олеша оставляет сюжетную линию Володи Макарова открытой и не завершает футбольное противостояние. Читатель так и не узнает, чем закончится игра. Однако мажорная тональность, выраженная в событиях, происходящих в перерыве матча (болельщики качают Володю Макарова, рукоплещут ему, Вале и Андрею Бабичеву, мальчишка-болельщик

¹³⁹ В приведенном отрывке словосочетание «к чужому голу» означает «к чужим воротам». В начале XX века словом «гол» нередко называли футбольные ворота, а словом «гольман» – вратаря.

¹⁴⁰ Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. С. 156–157.

¹⁴¹ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. С. 141.

кричит: «Немцам два гола минимум!»¹⁴²) наводит на мысль о том, что сборная Москвы сумеет отыграть пропущенный мяч.

Несмотря на то, что Володя Макаров пропускает гол в свои ворота, автор показывает своего героя как истинного спасителя своей команды, как героя на спортивной арене¹⁴³. Формируются зачатки традиционного в советской культуре конца 1930-х годов образа вратаря как стража границы, часового у ворот. Литературовед М. О. Чудакова отмечала, что Олеша в «Зависти» ставит предмет изображения в особые оптические условия: «Описывается движение в его *чистом* виде, в отвлечении от всего, что делало бы его индивидуальным, восстанавливается мускульная схема движения и “оправдание” этого описания – лишь в его точности»¹⁴⁴ (Курсив М. О. Чудаковой – П. Ю.). Действительно, Володя Макаров изображается с внешней точки зрения – с трибуны стадиона. «Каждое необычное впечатление, наблюдение в прозе Олеша связано прочной и исчерпывающей зависимостью прежде всего с пространственным его положением, с той “точкой”, откуда ведется наблюдение»¹⁴⁵. На что нарратор обращает внимание читателя? – Прежде всего, на физиологические аспекты игры вратаря. VIII-IX главы второй части романа – это торжество описания физиологии. «Едва ли не впервые в нашей литературе здесь подробно описано *зрелище футбольного матча* и подробно показано поведение игроков и болельщиков – *внешний рисунок этого поведения*»¹⁴⁶ (Курсив наш. – П. Ю.). В романе эксплицирована гиперболичность прыжков, прыжков вне законов науки, которые совершает голкипер, спасая ворота своей команды: «Володя схватывал мяч в таком полете, когда это казалось математи-

¹⁴² Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. С. 148.

¹⁴³ Об этом, в частности, пишет американский литературовед У. Харкинс: «<...> his part in the soccer match against the Germans is clearly a heroic one» (его роль в футбольном матче против немецкой команды, безусловно, героическая (Перевод наш. – П. Ю.)) (Harkins W. E. The Theme of Sterility in Olesha's *Envy* // Major Soviet Writers: Essays in Criticism. London, 1973. P. 285).

¹⁴⁴ Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеша. М., 1972. С. 12.

¹⁴⁵ Там же. С. 23.

¹⁴⁶ Там же. С. 11–12.

чески невозможным»¹⁴⁷; «Володя не схватывал мяч – он срывал его с линии полета и, как нарушивший физику, подвергался ошеломительному действию возмущенных сил»¹⁴⁸. Позднее мотив невероятного спасения ворот будет встречаться в произведениях других советских прозаиков.

Использование Олешей в описании игры футболистов таких риторических средств, как метафора и сравнение, усиливает наглядность впечатления: «От удара кого-то из двух мяч легко и неверно взлетел над головой Гецкэ, и тот вбил его в сетку толчком головы, *похожим на поклон*»¹⁴⁹. <...> «Перехваченная скорость мяча выбрасывала Володю на два метра вбок, он *падал в виде цветной бумажной бомбы*»¹⁵⁰. <...> «Володя стоял уже на земле. Чулок на одной ноге его спустился, *обвернувшись зеленым бубликом* вокруг грушевидной, легко волосатой икры»¹⁵¹.

В структуре футбольных эпизодов большое место отведено авторским пояснениям. В начале XX века футбол быстро распространялся на территории СССР, однако для читателя, несомненно, существовала потребность в объяснении составляющих футбольной игры. Именно поэтому Олеша вводит в повествование своеобразный футбольный инструктаж. Общей закономерностью в развитии советской прозы 1920–1930-х гг. является наличие пояснений к своим произведениям. «Так Олеша постоянно объясняет им же самим порожденные картины, дает свои комментарии к своему же тексту»¹⁵². Например, для писателя важно отметить в VIII главе второй части: «Игра продолжается девяносто минут, с коротким перерывом на сорок пятой минуте»¹⁵³ <...> «Еще за месяц до матча предполагали, что с

¹⁴⁷ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. С. 142.

¹⁴⁸ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. С. 142.

¹⁴⁹ Там же. С. 144.

¹⁵⁰ Там же. С. 142–143.

¹⁵¹ Там же. С. 147.

¹⁵² Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеша. С. 17.

¹⁵³ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. С. 141.

германской командой приедет знаменитый Гецкэ, играющий центрального форварда, то есть главного игрока из пяти нападающих»¹⁵⁴ <...> «Наши беки давали сильные “свечки”, то есть высокие параболические удары, но мяч, скользя по стене ветра, завертывался, блестя желтизной, и шастал обратно»¹⁵⁵. Роман Олеси в отношении изображения действительности является экспериментальным: привычные описания галерей, парков, пейзажей становятся конспективными, отрывочными. Прозе Олеси в целом свойствен «стремительный темп смены разномасштабных действий»¹⁵⁶. Возможно, именно поэтому писатель не завершил футбольную линию сюжета в своем произведении, обогатив русскую литературу новым для нее материалом и оставив читателю возможность самостоятельно додумать исход противостояния Володи Макарова и Гецкэ.

Сложно согласиться с мнением И. П. Смирнова, который пишет: «Интеллектуал обречен на исчезновение в мире, где господствуют спортсмены и энергичные функционеры, воплощающие собой чужую волю, – вот вывод из романа Олеси “Зависть”»¹⁵⁷. Нам представляется, что приведенное суждение не может быть признано *единственным* выводом, который читатель может сделать после прочтения текста. Мы убеждены, что приемы построения текста и исторический материал взаимодействуют, а вовсе не противодействуют друг другу. «Более того, чем более открытым и пестрым предстает тот материал, из которого соткан смысл текста, тем более мощно заявляет о себе его герметическое единство»¹⁵⁸. Роман «Зависть» стал мощным катализатором, который способствовал повышению интереса к спорту в СССР. Мы придерживаемся точки зрения Б. М. Гаспарова, считающего, что литературные тек-

¹⁵⁴ Там же. С. 140.

¹⁵⁵ Там же. С. 141–142.

¹⁵⁶ Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеси. С. 42.

¹⁵⁷ Смирнов И. П. Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 303.

¹⁵⁸ Гаспаров Б. М. Послесловие. Структура текста и культурный контекст // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. С. 285.

сты – это открытые структуры, в которых заложен «потенциал смысловой бесконечности»¹⁵⁹, постоянно регенерируется смысл: «Внесение все новых элементов не размывает границы текста, а, напротив, увеличивает число и интенсивность связей внутри текста и тем самым утверждает его целостность»¹⁶⁰. Представляется справедливым мнение В. В. Бадикова, который утверждает, что второстепенные герои (в том числе интересующий нас Володя Макаров) в текстах Олеси «получились схематичными, обобщенными, тяготеющими к символам определенных жизненных типов»¹⁶¹. Более разработанный образ футболиста действительно появится в советской прозе позднее, но увлечение игрой не разрушает образ Володи Макарова, а, напротив, органично вписывается в характер нового человека и дополняет его. Кроме того, своим романом Олеша обновляет галерею героев советской литературы, вводя туда героя-спортсмена.

2.1.2. Страдающий вратарь: образ Миши Титичкина в романе А. Б. Мариенгофа «Бритый человек»

В девятой главе романа А. Б. Мариенгофа «Бритый человек» (1930) появляется отличный от Володи Макарова образ вратаря. Прежде всего отметим, что в романе «Бритый человек» повествование ведется от первого лица. Сюжет произведения представляет собой историю несчастья Миши Титичкина, которое он поймал в Пензе 15 лет назад. Несчастье понимается как человеческая жизнь в целом: «Мы бегаем по земле, прыгаем по трамваям, носимся в поездах и все для чего? Чтобы поймать за хвост свое несчастье»¹⁶². Настоящим событием для мальчика, учащегося Пустаревской гимназии, становится приход нового гимназиста Лео Шпреегарта. Титичкин подчиняется

¹⁵⁹ Там же. С. 302.

¹⁶⁰ Там же. С. 285.

¹⁶¹ Бадиков В. В. Особенности поэтики Юрия Олеси (на материале прозы). Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967. С. 11.

¹⁶² Мариенгоф А. Б. Бритый человек // Мариенгоф А. Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Кн. 1. М., 2013. С. 129.

ритму его движений, испытывает восторг от вида очаровательной улыбки. Он одновременно и любит своего друга, и желает повесить его. Исследователь творчества Мариенгофа Т. Хутунен считает, что сюжет «Бритого человека», как и других романов писателя, автобиографичен: «Город Пенза играет в “Бритом человеке” значительную роль, и Лео Шпреегарт переезжает из Нижнего Новгорода в Пензу, как и Мариенгоф в 1913 году. К тому же Лео любит поэзию Блока, а любовь Мариенгофа к Блоку известна»¹⁶³. Лейтмотив романа – повешение Лео Шпреегарта – воспринимается как автобиографическая ирония Мариенгофа над С. А. Есениным, с которым связана сложная история дружбы автора «Бритого человека». В основе сюжета прозы Мариенгофа лежит некий автобиографический вымысел, в связи с чем возникает повод говорить об «автофикшн» (термин Т. Хутунена): «здесь содержание во многом автобиографично, хотя формально перед нами фикшн»¹⁶⁴.

Титичкин на протяжении романа жалуется на свои «жидкие руки» и слабую спину. Он неспособен носить на руках свою жену. Физическая слабость также проявляется во время стояния Титичкина в воротах команды Пустаревской гимназии. Занимает герой место в воротах вынужденно: «Лео сделал меня голкипером»¹⁶⁵. Шпреегарт унижает своего поклонника вдвойне: заставляет его выполнять задание, которое тому не по силам, антипатично, приносит физические страдания, ужас и ощущение неизбежного позора; кроме того, назначает такую роль в игре, которая в те годы считалась наименее почетной и даже презираемой (см. об отношении к вратарям в первой главе настоящей работы). Однако ради Лео, который является объектом обожания для Титичкина, последний готов пойти на все. На протяжении всей главы Титичкин описывает, что происходит с ним в воротах. Общим местом в

¹⁶³ Хутунен Т. «Автофикшн» Анатолия Мариенгофа // Там же. С. 10.

¹⁶⁴ Хутунен Т. «Автофикшн» Анатолия Мариенгофа // Мариенгоф А. Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Кн. 1. С. 10.

¹⁶⁵ Мариенгоф А. Б. Бритый человек // Там же. С. 189.

словах героя становится ужас и страх, ощущение себя самым несчастным человеком в мире. Возникает мотив несчастья во время игры в футбол.

Если сравнить Титичкина с Володей Макаровым, то станет очевидно, что эти персонажи противопоставлены друг другу едва ли не во всем. Герой Олеси – сильный, мощный, не боящийся мяча вратарь, для которого важна победа своей команды, честь коллектива. Миша Титичкин – антипод Володи Макарова: «Я стою в футбольных воротах. Ужас в моем сердце. <...> Когда я голкипер – я несчастный человек. Больше всего в жизни я не хотел быть голкипером. Лучше уж пожарным. Вообще я пожертвовал десятью годами жизни, согласился бы умереть не восьмидесяти пяти лет, а семидесяти пяти, семидесяти, – только бы не играть в футбол»¹⁶⁶.

Титичкин боится игры, испытывает страх. При этом герой обожает жизнь, но не как ее участник, а как свидетель, или наблюдатель, о чем сказано в начале девятой главы. Мяч вызывает в Титичкине «трепет, ненависть и восхищение»¹⁶⁷ и рядом с мячом оказываются ничтожны Достоевский, Пушкин, Маркс, но при этом Титичкин страшно боится спортивного снаряда. Вот как герой описывает стояние на воротах в своем сне: «Когда Ванечка бил по голу, я зажимал глаза и наудачу выкидывал руку по направлению свистящего мяча. Если мяч случайно ударялся о кулак, пальцы выламывались от боли, а на костяшках выступала кровь и обмохрявливалась кожа»¹⁶⁸.

Из-за сплава неуверенных действий, боязни мяча и неловкости движений Титичкина команда Пустаревской гимназии проигрывает матч первой казенной гимназии со счетом 0:2: «Надо сознаться, что оба гола непростительны. Первый мяч я попросту выронил, а второй прокатился у меня между ног»¹⁶⁹. После проигрыша Лео оказывается в жутком расположении духа, а Титичкин

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Мариенгоф А. Б. Бритый человек // Мариенгоф А. Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Кн. 1. С. 191.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. С. 194.

ходит за ним «побитой собакой»¹⁷⁰ и старается угождать своему другу во всем, но тот словно не замечает Мишу. Лишь в десятой главе дружба героев налаживается.

Миша Титичкин выделяется на фоне других представителей галереи персонажей-футболистов. Помимо уже указанных физических недостатков героя, отметим, что для него футбол является роковым явлением, он не любит игру в мяч и выходит на поле вынужденно, иначе он приблизится к утрате предмета своего обожания. Миша не имеет возможности отказаться от игры. Моральная травматичность главного героя также отличает его от Володи Макарова. Вратари в романах Олеси и Мариенгофа тяготеют к разным полюсам: Володя Макаров сближается с Лео Шпреегартом (сильные, одержимые герои), а Николай Кавалеров – с Мишей Титичкиным (слабые, страдающие герои). Таким образом, в «Бритом человеке» представлена перверсия сюжетной модели романа Олеси, задающей тон другим прозаическим текстам на тему футбола, о которых речь пойдет на последующих страницах нашего исследования.

2.1.3. Развитие концепции «вратарь – защитник нации»: образ Антона Кандидова в романе Л. А. Кассиля «Вратарь Республики»

Роман Кассиля «Вратарь Республики» был впервые опубликован в журнале «Красная новь» в 1937 году. Годом позднее он вышел отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». Кассиль также отредактировал свой роман для детей. Сначала книга была напечатана в сокращенном виде на страницах газеты «Пионерская правда», а потом вышла в Детиздате в 1939 году. Одновременно с книгой создавался знаменитый кинофильм «Вратарь» (реж. С. А. Тимошенко), который был снят в 1936 году по киносценар-

¹⁷⁰ Там же.

рию, написанному Кассилем в соавторстве с кинорежиссером и сценаристом Л. М. Юдиным.

Прижизненная критика противоречиво восприняла «Вратаря Республики». Любопытно, что, с одной стороны, почти все люди, занимавшиеся в те годы литературой, единогласно признали удачей Кассиля описания футбольных матчей, но в то же время не упустили возможности раскритиковать роман с точки зрения других аспектов. С другой стороны, для людей, вовлеченных в спортивную жизнь СССР, «Вратарь Республики» стал настольной книгой.

А. П. Платонов в своей рецензии обвинил автора в ложноромантических тенденциях, охарактеризовав язык Кассиля как «смесь сахара с пухом одуванчика». Платонов отметил, что «почти все образы романа так же относятся к реальности, как тень к предмету, ее отбрасывающему»¹⁷¹. Критик М. Левилов развил мысль Платонова об условности изображения в романе и отметил, что произведение Кассиля – это творчески оправданное стремление создать новый жанр в советской литературе путем разбавления фабулы приключенческого романа футбольной тематикой: «Лев Кассиль, несомненно, зачинатель советского спортивного романа»¹⁷². По мнению Левилова, писателю не удалось полноценно реализовать свой замысел, так как Кассиль, во-первых, является первопроходцем, «пионером жанра», а во-вторых, ему недостает писательского таланта. В той же тональности размышлял и критик Л. Левин: «Этот роман по существу трудно называть романом. Автор остался где-то на полпути между сценарием и фельетоном»¹⁷³.

Вс. М. Бобров, видный советский футболист и хоккеист, вспоминал:

¹⁷¹ Платонов А. П. Реторта для изготовления человек // Платонов А. П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 2001. С. 31.

¹⁷² Левилов М. О спортивном романе – вообще и в частности (Л. Кассиль «Вратарь Республики») // Детская литература. 1939. № 5. С. 42.

¹⁷³ Левин Л. Роман для болельщиков // Резец. 1939. № 6. С. 20.

Не буду оригинальным, если скажу, что в детстве моим самым любимым литературным героем был Антон Кандидов – знаменитый кассилевский вратарь. <...> Именно Антон Кандидов разжег во мне неугасимый огонь честолюбия и детские мечты о славе, о большом мастерстве и больших победах. Кандидов казался мне существом сугубо реальным, живым, непременно существующим, и о том, кто его создал, я, честно говоря, даже не думал¹⁷⁴.

Похожим образом о романе писал И. А. Рахтанов, писатель и журналист, близкий друг Кассиля: «Антон Кандидов стал таким же нарицательным именем, как герои немногих классических произведений. Он несет в себе положительный заряд, комплекс положительных начал нашей жизни»¹⁷⁵.

По словам крупного советского писателя и сценариста Ю. М. Нагибина, Антон Кандидов – это «чудо-вратарь, чудо-юноша, заставляющий верить в безграничность человеческих возможностей и в ту великую удачу, о какой в тайне мечтает каждое живое сердце»¹⁷⁶. Нагибин признавался, что не принадлежит к почитателям как фильма «Вратарь», так и романа «Вратарь Республики», однако полностью признавал эти произведения и объяснял их всенародный успех, апеллируя к необъятной вере писателя в своего героя. Несмотря на «фантазмагорию судьбы Кандидова»¹⁷⁷, ее неправдоподобность и символичность, роман, по Нагибину, пронизан ощущением реальности: «Усомнись в чем-то Кассиль, поддайся бытовому правдоподобию, все бы сразу развалилось. Но он свято верил творимой им легенде, и победил навсегда.

¹⁷⁴ Бобров В. С. Такие переживают себя! // Кассиль и о Кассиле. М., 1972. С. 20–21.

¹⁷⁵ Рахтанов И. А. Полпред советских болельщиков // Рахтанов И. А. Рассказы по памяти. М., 1971. С. 206.

¹⁷⁶ Нагибин Ю. О писателе, любившем детей и спорт // Кассиль и о Кассиле. С. 14.

¹⁷⁷ Нагибин Ю. О писателе, любившем детей и спорт // Кассиль и о Кассиле. С. 14.

Кандидов так же реален, как бессмертные Заморра¹⁷⁸, Соколов, Планичка¹⁷⁹, Яшин»¹⁸⁰. Для великого советского вратаря Л. И. Яшина роман Кассиля имел неимоверное значение для своего становления и развития как футболиста, для укрепления веры в осознанность своих стремлений¹⁸¹: «Я не думал тогда, что вот надо быть таким прославленным, как Антон. Я видел только, что его любили люди, и чувствовал, что Антон этим людям нужен. И укрепился в сознании важности дела, которое делал, захотел делать его еще лучше»¹⁸².

Позднее некоторые литературоведы отмечали предопределенность, заданность романа Кассиля, повторяя мысли Платонова и обвиняя Кассиля в ложноромантических и утопических тенденциях в его творчестве, отходе от жизненной правды¹⁸³. Это, однако, не мешало росту популярности «Вратаря Республики» в СССР. Сам Кассиль, рассуждая о своем произведении, признавал определенную искусственность романа¹⁸⁴. В частности, писатель говорил об Антоне Кандидове, главном герое произведения, что «точно такого вратаря ни у нас, ни в иных странах не было»¹⁸⁵. Ответ на вопрос, почему Кассиль

¹⁷⁸ Рикардо Самора (1901–1978) – испанский вратарь, считающийся сильнейшим голкипером за всю историю испанского футбола и одним из сильнейших вратарей мира. Двухкратный чемпион Испании, многократный победитель Кубка Испании в составе «Барселоны», «Эспаньола» и мадридского «Реала». Серебряный призер Олимпийских игр 1920 года. Именем Саморы назван приз для вратарей, пропустивших меньше всего голов за сезон в чемпионате Испании.

¹⁷⁹ Франтишек Планичка (1904–1996) – чешский вратарь, один из наиболее выдающихся футболистов в истории чехословацкого футбола. Многократный победитель чемпионата Чехии, серебряный призер чемпионата мира 1934 года.

¹⁸⁰ *Нагибин Ю.* О писателе, любившем детей и спорт // Кассиль и о Кассиле. С. 14.

¹⁸¹ Лев Иванович Яшин является единственным в истории мирового футбола вратарем и единственным футболистом в истории СССР/России, получавшим «Золотой мяч» – высшую индивидуальную награду, которая вручается футболисту, признанному лучшим в календарном году. Яшин стал обладателем «Золотого мяча» в 1963 году.

¹⁸² *Яшин Л.* Люблю тебя светло // Кассиль и о Кассиле. С. 24.

¹⁸³ См., например: *Гольдштейн А. Л.* Расставание с Нарциссом. Опыт поминальной риторики. М., 1997. С. 158–176.

¹⁸⁴ В. Смирнова внесла крайне ценное, как нам представляется, замечание по поводу предопределенности «Вратаря Республики». По ее мнению, Кассиль не смог преодолеть условность жанра вследствие единственного возможного финала, заданности концепций победителя, триумфатора: «Герой спортивного романа не может не быть победителем» (*Смирнова В.* Лев Кассиль, его герои, книги и друзья // Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М., 1988. С. 573).

¹⁸⁵ *Кассиль Л. А.* Письмо читателям «Вратаря Республики» // Книги-детям. М., 1967. С. 63.

создал образ именно вратаря, а не, например, нападающего или защитника, объясняется личным интересом Кассиля к этой позиции на поле: «Меня особенно интересовало искусство вратаря, потому что я сам когда-то, играя в футбол, пробовал стоять на воротах. А ведь это самое ответственное место на футбольном поле»¹⁸⁶.

Важным источником создания художественного текста на тему футбола послужила журналистская деятельность Кассиля. Писатель был частым гостем на футбольном стадионе, был знаком со многими видными советскими футболистами (например, с братьями Старостиными). Обильный материал для написания литературных произведений Кассиль черпал из своих международных поездок в качестве спортивного журналиста. Например, в 1935 году он посетил Турцию в составе советской спортивной делегации, после чего был написан такой очерк, как «Играли наши в Измире». Отрывки публицистической статьи Кассиля «На стадионе 75000», посвященной описанию поведения болельщиков на футбольной арене, вошли впоследствии в состав 41 главы романа под названием «Кубок Спартакиады»¹⁸⁷. Описание приезда в Москву вымышленной футбольной команды «Королевские буйволы» во многом навеяно турне по городам СССР в 1937 году знаменитой сборной Басконии по футболу, «самой сильной команды, с которой в довоенные годы пришлось помериться силами советским футболистам»¹⁸⁸. «Наши футбольные поля не принимали еще команд такого класса»¹⁸⁹, – писал Кассиль в очерке «Матч с басками», посвященном игре московского «Локомотива» со сборной Басконии.

Помимо журналистских очерков и статей, Кассиль наравне с В. С. Синявским, был одним из корифеев советского спортивного радиорепортажа

¹⁸⁶ Там же. С. 64.

¹⁸⁷ См. об этом: *Туленков Д. А.* Научные вести из Саратова: Спортивная публицистика Льва Кассиля в «Известиях» 1930-х годов // Тонус. Казань, 2005. № 11. С. 128–132.

¹⁸⁸ *Якушин М. И.* Вечная тайна футбола. С. 64.

¹⁸⁹ *Кассиль Л. А.* Матч с басками // Известия. 1937. № 148. 26 июня. С. 4.

и «подлинным мастером этого труднейшего жанра»¹⁹⁰ для первой половины XX века. Отличительной особенностью спортивного радиорепортажа является оперативность, воспроизведение автором событий действительности с документальной точностью с использованием спортивной терминологии в режиме реального времени. Именно так ведет репортаж в радиоэфире в 33 главе под названием «Королевские буйволы» друг Антона Кандидова журналист Карасик, освещая матч сборной СССР против команды «Королевские буйволы».

Футбол входит в систему координат «Вратаря Республики» с первых страниц романа. Имплицитный повествователь рассказывает о выходе Антона Кандидова на замену в матче между первой и второй сборными Москвы. Голкипер в системе координат романа Кассиля соотносится с рядом других культурно-исторических образов. Соположение разных культурных миров явлено уже в первой главе, в которой Кандидов уподоблен рыцарю в «футбольных доспехах»¹⁹¹ (ср. приведенную выше цитату из Набокова с упоминанием романтического ореола рыцаря), которыми оказываются части футбольной формы (белый свитер со значком завода Гидраэр, гетры, наколенники, локотники, «странная войлочная шлычка треуголкой» (3; 8)). Вратарь как «рыцарь нашей эпохи» (3; 168) – не единственное сравнение в романе. Гораздо большее место в тексте Кассиля занимает ряд аллюзий на древнеримскую культуру. Обертон античности вторгаются в роман, и благодаря им актуализируется пространство футбольного стадиона как локуса зрелища. Свисток судьи, дающий старт к началу спортивного противостояния, уподобляется сирене Пана (3; 242). Евгений Карасик, друг Кандидова, ведет радиорепортаж с матча сборной СССР с зарубежной командой «Королевские буйволы» и сравнивает атмосферу, царящую на стадионе «Динамо», с атмосферой на римских аренах: «Так сидели, должно быть, в театре Аристофана и на ска-

¹⁹⁰ Гальперин Ю. Кассиль и радио // Жизнь и творчество Льва Кассиля. С. 331.

¹⁹¹ Кассиль Л. А. Вратарь Республики // Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. С. 8 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках тома и страницы).

мьях Колизея» (3; 174). Внутри стадиона формируется особый хронотоп, где линейное время уступает место двум таймам по 45 минут с десятиминутным перерывом между ними и где происходят поистине невероятные события. В матче между сборной СССР и «Королевскими буйволами» Антон Кандидов, дважды отбив пенальти, назначенный его команде, вбрасывает мяч в поле себе на ход и забивает гол. Тысячи зрителей реагируют на это событие, вытягивая вперед «кулаки с отставленными вверх большими пальцами» (3; 183), тем самым выражая восхищение увиденным в исполнении голкипера. Этот знак отсылает читателя к аналогичному знаку, который показывала публика на гладиаторских боях, даруя жизнь поверженным бойцам¹⁹². В этих условиях образ вратаря соотносится с фигурой гладиатора-победителя на арене. В 29 главе романа представлена другая любопытная аллюзия. После приезда Кандидова в Москву в общежитие коммуны завода Гидразр милиционер Снежков, увидев рослого гиганта, называет Кандидова «Геркуланумом» (3; 140). Геркуланум – это город, погибший вместе с Помпеей во время извержения Везувия. Мы согласны с Е. А. Таратутой, автором комментария к «Вратарю Республики», считающей, что милиционер хотел сказать другое слово – «Геркулес», тем самым сравнив Антона с непобедимым героем древнеримских мифов. Однако оговорка Снежкова не отменяет актуализации мира Древнего Рима в романе Кассиля. Уподобление вратаря рыцарю и гладиатору дополняется сравнением героя с Геркулесом. Наконец, образ вратаря также соотносится с образом святого Петра как стража райских врат. Команде Ватикана необходим сильный вратарь, и Антон Кандидов, о котором стало известно за пределами СССР, является самым подходящим кандидатом:

«Команда наместника Христа должна играть на нуль, всухую. Талант и непобедимость русского чемпиона известны. Воззрения его – также. Не все ли равно для атеиста – числиться православным или католиком? Важно хорошо

¹⁹² См. об этом подробнее: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 141–142.

брать мяч, не правда ли? Брать мяч и сто тысяч лир жалованья. Ну, а святой Петр, как известно, является вратарем рая. Божественный символ!» (3; 226).

Кассиль с первых страниц романа показывает, что природа отметила Антона Кандидова, наделив его прекрасными физическими данными. Помимо высокого роста и силы, у героя есть еще «загадочная седая прядка» (3; 10), которая, как выясняется позднее, белого цвета с самого рождения. Кандидов словно отмечен высшими силами.

Талант вратаря в главном герое раскрывается постепенно. В 24 главе он на глазах рабочих с завода Гидраэр ловит летящие арбузы, что приводит всех в восхищение. Предложение вступить в бригаду и поехать в Москву лишает Кандидова покоя. Когда он приходит показать свои способности в команду приволжского городка, что ему удастся в полной мере, его поначалу презрительно называют «арбузником» (3; 122). Приехав в Москву, Кандидов также сначала вызывает неприязнь у московских игроков, в частности у нападающего Боба Цветочкина. Как и в приволжском городке, Кандидов отбивает удары соперника и доказывает, что он достоин находиться в воротах. Здесь можно говорить не только о спортивной дуэли футболистов, но и о социальном поединке между жителем столицы (Цветочкиным) и провинциалом (Кандидовым).

Вратари охраняют футбольные ворота, оставляя их «сухими», от атак нападающих соперника. Конфликт голкипера и форварда в советской прозе первой половины XX века и, в частности, во «Вратаре Республики», – это классический поединок, встречающийся в ряде произведений советской литературы. Подобно тому, как «герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу»¹⁹³ в волшебной сказке, вратарь и нападающий вступают в спортивную дуэль. Связь советского романа и волшебной сказки была научно обоснована К. Кларк в книге «Советский роман: история как ритуал»¹⁹⁴. Ана-

¹⁹³ *Пропн В. Я.* Морфология волшебной сказки. С. 48.

¹⁹⁴ *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.

лизируя ряд советских романов, Кларк выделяет основополагающую фабулу, в основе которой лежит идея божественного спасения в марксистско-ленинском понимании, рассказываемая повествователем как сказка. Главный герой достигает своей цели, а обстоятельства, с которыми герой сталкивается по ходу сюжета, проверяют на прочность его силы и способности. Аналогичный путь проходит и герой волшебной сказки, что показал В. Я. Пропп в книге «Морфология волшебной сказки».

Таким образом, советский роман сочетает в себе аспекты поэтики двух жанров: реалистического романа XIX века и волшебной сказки. В получившемся сплаве стирается грань между фактом и вымыслом, поэтому эпизоды, подобные моменту забивания гола Кандидовым, который, являясь вратарем, умудряется в одиночку обвести едва ли не всю команду «Королевских буйволов» и забить гол, выглядят совершенно оправданными в рамках эклектичной поэтики советского романа. Пространством борьбы в произведении Кассиля оказывается футбольное поле. Расстановка сил в традиционной оппозиции «вратарь vs. нападающий» у Кассиля носит тот же характер, что и в романе Олеси «Зависть». Если сравнить образы нападающих в обоих романах, то, в отличие от Гецкэ, нападающего «Королевских буйволов» Бена Хорга правомерно назвать героем-злодеем, а не просто антагонистом Кандидова. Даже характеристика форварда до приезда в Москву, не говоря уже о его действиях на футбольном поле, овеяна неким мистическим и зловещим обликом:

И с ними приехал знаменитый Бен Хорг, правый инсайд, гроза футбольных полей Старого и Нового Света, великий Бен Хорг, не знающий промахов, черный Бен, бич вратарей. О нем рассказывали чудеса. Толковали, что каждая нога его застрахована в сорок тысяч долларов. Ногами Бен Хорг управлял лучше, чем руками, а головой действовал не хуже, чем ногами. И звали его поэтому Бен Свирепоголовый (3; 170–171).

Бен Хорг уподоблен дикому зверю, на его голове находится черная повязка, на торсе – черный свитер с белыми бычьими черепами на груди с короной между рогами: «Рыжий детина, космогрудый, слегка кривоногий. Он бежал вдоль трибун. Зрители оглушительно приветствовали знаменитого футболиста. Он бежал сосредоточенно, не улыбаясь. Пиратская черная повязка закрывала его лоб. Он был похож на мавра» (3; 176). Приведённые описания позволяют отождествить Бена Хорга с Минотавром, следовательно, его дуэль с Антоном Кандидовым может быть прочитана как поединок героев античной мифологии: Тезея и Минотавра.

Форвард стремится нарушить равновесие сил путем забивания гола. Как и сказочный трикстер, нападающий в футболе для достижения цели прибегает к потайным приемам. В круг его действий входит вредительство. Один из советских болельщиков, «всеведующий дядя Кеша» (3; 176), говорит о Бене Хорге: «Смертельный игрок, троих убил, девять человек покалечил, прием такой имеет» (3; 176). Так, Бен Хорг в ходе игры пытается ударить Антона Кандидова головой под ложечку в момент, когда вратарь, выпрыгивая в воздух с вытянутыми руками, снимает верховой мяч. Однако навредить герою добра у Бена Хорга не получается, как и не получается забить Кандидову пенальти. Протагонист совершает чудо, забив гол, являясь при этом вратарем.

Обретение славы, о которой мечтает главный герой, отягощено изменениями в его характере. «Очень уж ты на внешний лоск падок» (3; 195), – говорит Карасик Кандидову. Последнему после побед хочется слышать, что его миссия predetermined, что ему предначертано судьбой стать величайшим вратарем в истории. С обретением славы связан разлад с коммуной гидраровцев и с Карасиком, переход в команду завода «Магнето». Следствием тоски по друзьям, появляющейся в душе Кандидова в ходе заграничного турне сборной СССР, является то, что он начинает испытывать отвращение к людям, говорящим ему о баснословных денежных капиталах и богатствах. Кассиль, как и Олеша в «Зависти», обращается к денежному аспекту как к одному из ключевых отличий советского спорта от зарубежного. Выше мы

уже приводили отрывок из текста романа о щедром в финансовом отношении предложении Кандидову играть за сборную Ватикана. Кроме того, советский вратарь ощущает «за внешней благосклонностью глухую вражду» (3; 225) после разговора с Р. Заморрой, легендой испанского футбола, который намекает Антону о потенциальной возможности «сколотить кое-что» (3; 225). Главный герой романа понимает, что слава бывает разнообразной, не позволяет «сторговать» (3; 227) себя европейским футбольным командам и возвращается домой.

Статус Кандидова как непробиваемого вратаря изменяется после проигрыша магнетовцев в финале кубка профсоюзной Спартакиады своей бывшей команде гидраэровцев со счетом 2:3. В этом матче Кандидов пытается совершить подвиг, удавшийся в игре с «Королевскими буйволами». Подключившись к атаке и выбежав из ворот, он забивает гол, но оказывается в положении вне игры¹⁹⁵, и мяч не засчитывается. Этот эпизод после поражения магнетовцев в речи Антона становится проекцией всего его жизненного пути: «За линию зашел. Вылез к чужим воротам. Толкусь на готовеньком» (3; 259). Дурной сон о том, как Кандидова затягивает песок на берегу Волги, оборачивающийся реальным натеканием газа в его квартире, становится кульминацией романа. Вратарь Республики испытывает страх смерти: «Он отнят, отринут от всех... Это было самое страшное» (3; 269). Несмотря на то, что герою удастся распахнуть окно и вдохнуть свежего воздуха, он теряет сознание и пробуждается уже в больнице, где мирится с Карасиком и остальными членами коммуны.

Вслед за счастливой развязкой следует эпилог, где мы вновь видим Антона Кандидова в рамке футбольных ворот на дне физкультурника, который проводится в Москве на Красной площади¹⁹⁶. Романное повествование обрывает

¹⁹⁵ Положение вне игры или офсайд (англ. *offside*) – правило, определяющее позицию нападающего игрока по отношению к игрокам обороны противоположной команды как недопустимую и останавливающую атаку на ворота.

¹⁹⁶ Имеется в виду день физкультурника, проведенный 6 июля 1936 года в Москве, когда на Красной площади был разостлан огромный зеленый ковер, напоминающий реальный футбольный газон, и был проведен футбольный матч.

вается на фразе «Матч начался» (3; 282), однако последние слова предваряет важная фраза: «За спиной, за футбольной сеткой с крупными ячейками, витой, старый, мозаичный, высился Василий Блаженный» (3; 282). Знаменитый московский собор как бы оберегает Антона Кандидова – вратаря СССР, переключаясь с образом святого Петра – вратаря небесного Рая, к которому мы обращались, говоря об античных аллюзиях во «Вратаре Республики».

2.1.4. Модификация фигуры вратаря: образ Красавчика в повести А. В. Козачинского «Зеленый фургон»

В повести А. В. Козачинского «Зеленый фургон» выстраивается новый образ голкипера, непохожий ни на фигуру героя, стража границы, часового у ворот, ни на страдальческий тип вратаря, возникающий в «Бритом человеке» А. Б. Мариенгофа. Произведение Козачинского появилось в печати в один год с романом «Вратарь Республики». Оно посвящено деятельности работников уголовного розыска в местечке Севериновка Одесского уезда в 1920 году. Прототипами центральных персонажей стали реальный автор и Евгений Петров, с которым Козачинский учился в одном классе пятой Одесской классической гимназии. После окончания учебного заведения Козачинский работал инспектором уголовного розыска, но бросил службу и стал грабителем и налетчиком. Совместно с немецким колонистом Георгием Фечем будущий писатель в один из рейдов угнал фургон с зерном. В 1922 году при попытке продать на Староконном рынке Одессы лошадей Козачинский и часть людей из организованной им банды попали в милицейскую засаду. Во время погони с перестрелкой Козачинский узнал в одном из инспекторов уголовного розыска Евгения Петрова, которому и сдался. Позднее после переезда Козачинского в Москву, работы в газете «Гудок» Евгений Петров попросил бывшего товарища по гимназии создать литературное произведение на сюжет из одесского периода жизни, что Козачинский и сделал. Таким образом, сюжет пове-

сти возник на основе реальных событий¹⁹⁷. «Зеленый фургон» – один из немногих текстов в истории русской литературы, в которых реальный автор оказывается прототипом героя-злодея. Повесть Козачинского можно назвать литературной исповедью раскаявшегося преступника.

Часто встречающийся в литературе сюжет поимки бандита представителем закона дополняется в произведении Козачинского спортивной составляющей. Главные герои (инспектор Володя и вор по кличке Красавчик) раньше играли в футбол друг против друга. «Володя был левым инсайтом (Левым полусредним нападающим. – П. Ю.) у гимназистов, а высокий парень – голкипером у черноморцев»¹⁹⁸. В момент первой встречи героев в Одессе Володя еще не знает о том, что «высокий парень лет восемнадцати»¹⁹⁹, который поравнялся с ним, и есть Красавчик.

– Ваша карточка мне знакома, – сказал парень учтиво, прикасаясь двумя пальцами к кепке. – Не запомню только, из какого она альбома.

– Мы знакомы по Черному морю, – ответил Володя²⁰⁰.

Рассказчик подробно излагает читателям историю футбольного поля «Черное море»²⁰¹. Нарратор выступает в роли хроникера, фактографа. Как и в текстах Огнева, Олеси и Кассиля, описания футбола в «Зеленом фургоне» сопровождаются многочисленными кальками с английского языка:

¹⁹⁷ См. об этом подробнее: *Бруштейн А. А. В. Козачинский // Козачинский А. В. Зеленый фургон. Повесть. М., 1972. С. 76–80; Полякова М. М. Козачинский // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 3. М., 1966. Стб. 637.*

¹⁹⁸ *Козачинский А. В. Зеленый фургон. М., 1989. С. 28.*

¹⁹⁹ Там же. С. 26.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Именно круглая яма за Александровским парком (ныне – парк имени Тараса Шевченко) в Одессе положила начало существованию профессионального футбольного клуба «Черноморец». Сегодня одесская команда выступает в чемпионате Украины.

1) «Володя был левым *инсайтом* у гимназистов, а высокий парень – *голкипером* у черноморцев»²⁰².

2) «Однажды Володя дал очень красивый *шут* по воротам, в которых стоял черноморец: он взял мяч с воздуха на подъем и ударил шагов с двадцати; мяч пошел между двух *беков*, но, к сожалению, прямо в руки *голкиперу*»²⁰³.

3) «Раньше черноморцы делились только на *беков*, *хавбеков* и *форвардов*; казалось, что других различий между ними нет»²⁰⁴.

Футбол становится общим зерном, которое связывает Володю и Красавчика: «Глаза их заблестели, когда они заговорили о футболе, ибо нет на свете таких болтунов, сплетников и фантазеров, как любители футбола»²⁰⁵. Несмотря на мимолетное знакомство на футбольном поле («Кроме этого памятного шута, их ничто не связывало»²⁰⁶), Володя испытывает почтение по отношению к голкиперу. Возникает мотив уважения к сопернику: «Однако почтение, которое питали гимназисты к черноморцам, было таким глубоким и неизменным, что Володя, невзирая на свое солидное положение, увидев голкипера, ощутил подобострастную радость котенка, повстречавшего доброго льва»²⁰⁷. Игра, с одной стороны, роднит Володю и Красавчика, но с другой стороны, отталкивает и заставляет насторожиться, как бы предвеля их дальнейшее столкновение друг с другом.

Как и в романах Олеси и Кассиля, вратарь в «Зеленом фургоне» – это выходец из рабочего люда (Володя Макаров – сын муромского кузнеца, Антон Кандидов – сын волжского грузчика, Красавчик – сын таможенного сторожа). Антропометрия персонажей тоже совпадает: например, рост Кандидова составляет 186 сантиметров, о Красавчике говорится, что он был самым

²⁰² Козачинский А. В. Зеленый фургон. С. 28.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Козачинский А. В. Зеленый фургон. С. 29.

²⁰⁶ Там же. С. 28.

²⁰⁷ Там же.

высоким игроком из числа футболистов команд черноморцев и гимназистов. При внешнем сходстве героев, тяготению их к общему типу образ вратаря-конокрада в «Зеленом фургоне» противопоставлен традиционному образу голкипера. Ранее мы говорили о наделении образа Бена Хорга в романе Кассиля зловещим обликом, характеризующим форварда как злодея. В повести «Зеленый фургон» происходит качественное изменение. Здесь уже вратарь является героем-злодеем, и не только потому, что он вор. По словам нарратора, команда черноморцев была составлена из портовых парней, молодых рыбаков и жителей старой таможни, играть с которыми было опасно для жизни:

В своем натиске черноморцы не знали преград. Свиристая слава, добытая ими на заре футбола, в боях с командами английских пароходов, устрашала футболистов других одесских команд. Никто из цивилизованных футболистов Одессы не решался ставить на карту спортивное счастье, здоровье, а может быть, и жизнь, защищая свои ворота против черноморцев²⁰⁸.

Подобная репутация играет непосредственную роль в понимании образа Красавчика. Отсюда объясняется то подобострашие, сопряженное с чувством страха и ощущением почтения со стороны Володи.

Образ вратаря-конокрада в «Зеленом фургоне» противопоставлен традиционному голкиперу. Представляется, что именно традиция освещения вратаря как героя добра, стража границы послужила причиной смены амплуа в кинофильме «Зеленый фургон» 1959 года. В киноверсии, основанной на мотивах повести Козачинского, Володя предстает вратарем, а Красавчик – полевым игроком (полузащитником).

В «Зеленом фургоне» эксплицируется диалогический исход противостояния: Красавчик задержан, представители закона торжествуют. С героем происходит трансформация после задержания, он готов начать жить по-новому, перестать быть вором-конокрадом. На наш взгляд, задержание Красавчи-

²⁰⁸ Козачинский А. В. Зеленый фургон. С. 27.

ка можно также проинтерпретировать как символ забитого гола, поскольку в повести сказано, что Володя так и не сумел поразить ворота Красавчика, когда они встречались на футбольном поле.

2.1.5. Футбол на фоне войны: образ Андрея Самошина в рассказе Л. А. Кассиля «Состоится при всякой погоде»

Рассказ «Состоится при всякой погоде» вырос на основе реальных впечатлений Кассиля, отправленного советским радиокомитетом в командировку в Полярный порт в 1942 году, где писатель стал свидетелем финального матча флотской спартакиады между командами базы подводного плавания и дивизиона минных заградителей. В этом рассказе, как и в «Матче в Валенсии», который мы анализируем в подглавке «Нападающий», представлены схожие отношения между реальным автором, повествователем и текстом, когда первые два сливаются в единое целое: нарратор является непосредственным очевидцем событий, документально фиксирующим происходящее. В связи с этим возникает вопрос о жанровой природе подобных рассказов. Они, безусловно, носят пограничный характер, находясь между публицистикой, художественной литературой и воспоминаниями, однако сам Кассиль придерживался мнения, что создает на основе пережитых впечатлений не очерк, не репортаж и не отчет, а именно художественный текст. М. И. Якушин в своих воспоминаниях приводит крайне ценные для нас диалоги с Кассилем по поводу рассказа «Пекины бутсы» о советском футболисте Пеке Дементьеве, где возникает та же ситуация рассказчика-очевидца описываемых событий, намекающая на иллюзорность художественного начала. Якушин, прочитав «Пекины бутсы», отметил, что один из главных эпизодов (выбрасывание Пекой футбольных бутс в море за борт парохода «Чичерин», на котором советские футболисты возвращаются домой из Турции) является вымыслом Кассиля. Последний говорил Якушину по этому поводу следующее: «Не удивляйся,

когда прочтешь. Это не репортаж, а рассказ, в котором может быть художественный вымысел, хотя некоторые герои его и реальные»²⁰⁹.

В рассказе «Состоится при всякой погоде», как и в других текстах Кассиль, представлен экзотический хронотоп. Футбольный стадион, «самый северный стадион мира»²¹⁰, в прямом смысле слова вписан в природный ландшафт: «Здесь скалы подковой обрамляют каменистую террасу, образуя естественный амфитеатр, обращенный к морю. Дугообразная гряда скал концами своими упирается в море»²¹¹. Моряки играют в мяч на каменистом плато, а болельщики сидят не на традиционных зрительских местах, а на высеченных в скалах ступенях и в углублениях. За плато у берега во время матча курсирует дежурная шлюпка для того, чтобы возвращать футбольный мяч, посланный в море за пределы игровой площадки после сильного удара.

Кроме того, специфическим и экзотическим можно назвать и перенос футбольного жаргона на язык общения советских моряков. В рассматриваемом рассказе активно используются вариативные конструкции с лексемой «сухой» в значении «без пропущенных голов в свои ворота». Например, про тройку игроков Самошин-Куличенко-Воронков моряки шутят: «С такой защитой и на море сухим останешься»²¹². Вратарь Самошин после удачного рейда произносит фразу: «Сработали всухую, два ноль в нашу пользу»²¹³. Герой подразумевает удачный исход морского рейда: удалось потопить два вражеских корабля без собственных потерь.

Тройка игроков Самошин-Куличенко-Воронков является надеждой коллектива подводников, они – лучшие футболисты, их навыки и качества играют ключевую роль в успехе команды. Они не могут участвовать в матче, так

²⁰⁹ Якушин М. И. Вечная тайна футбола. С. 46.

²¹⁰ Кассиль Л. А. Состоится при всякой погоде // Кассиль Л. А. Вратарь Республики: Роман, рассказы, очерки. М., 1984. С. 330.

²¹¹ Там же. С. 329.

²¹² Кассиль Л. А. Состоится при всякой погоде // Кассиль Л. А. Вратарь Республики: Роман, рассказы, очерки. С. 330.

²¹³ Там же. С. 331.

как их подлодка ко времени начала финала еще не вернулась из рейда. Отсутствие знаменитой тройки сказывается на игре: подводники пропускают два гола. Кроме того, советские радисты перехватывают сообщение с немецких кораблей о том, что «лодка была обнаружена и враг преследовал ее»²¹⁴. Как и в рассказе «Матч в Валенсии», люди ни на секунду не забывают о режиме военного времени, футбол и война сосуществуют на равных. Более того, если в рассказе «Матч в Валенсии» во время матча над стадионом пролетает пассажирский самолет и спортивное состязание не прерывается, то в рассказе «Состоится при всякой погоде» матч приходится на некоторое время остановить вследствие сигнала воздушной тревоги. Советская подводная лодка с лучшими игроками возвращается из рейда после возобновления игры под звуки троекратной пальбы, тем самым говоря об абсолютном успехе: «Считай, три посудыны на дно пустили»²¹⁵. На момент возвращения подводников их команда проигрывает 0:2, и три выстрела являются метафорой трех забитых мячей, необходимых в создавшейся игровой ситуации для победы. Однако возвращение отягощено тяжелой потерей для проигрывающей команды, так как вратарь Самошин погибает в ходе рейда. Защитники Куличенко и Воронков, «два плечистых, толстоногих парня в голубых майках, один чернявый приземистый (Куличенко. – П. Ю.), другой сутулый, с могучей, выпуклой спиной пловца» (Воронков. – П. Ю.), остаются в живых.

Кассиль героизирует образ погибшего моряка-футболиста. Сменщику Самошина Васенцеву достаются на глазах у всех присутствующих на матче вратарские перчатки основного голкипера подводников. Для всех членов команды Самошин – несомненный герой. Это подчеркивается, во-первых, рассказом капитана Звездина, начальника подлодки, о героической гибели Самошина, попытавшегося ликвидировать неисправность горизонтального

²¹⁴ Там же. С. 333.

²¹⁵ Там же. С. 334.

руля, находясь «по горло в ледяной воде»²¹⁶. Во-вторых, отношение к Самошину как к герою прослеживается со стороны каждого находящегося на каменном плато: «Все на стадионе встали, понуриив обнаженные головы. Поднялись и заморские гости, союзные моряки. Тихо стало на берегу»²¹⁷. Автор подчеркивает, что Куличенко, лично надевая на руки Васенцеву перчатки, обращается с наследием Самошина с крайней бережливостью и аккуратностью. Для моряков все, что осталось от героя, становится памятной реликвией, и морякам предстоит как доиграть матч, который состоится при любых условиях, так и довести войну до конца.

Матч заканчивается победой подводников со счетом 3:2. Метафора трех выстрелов реализуется в финале произведения. Победе подводников способствует не только игра защитников Куличенко и Воронкова, которым, «верно, все казалось, что он стоит там, у белой сетки: они чувствовали его за спиной»²¹⁸. Для рассказчика важно акцентировать внимание не на том, как забивались голы, а на том, что успеху команды сопутствовала некая магическая сила, «невидимая прозрачная препона»²¹⁹: «Уже, казалось, вот-вот ворвется он (мяч. – П. Ю.) туда, и вдруг какая-то неведомая сила, может быть, шквалистый ветер, порой налетавший с моря, срезал линию полета, и мяч, круто завернув, уходил в сторону»²²⁰.

Очередное обращение Кассиля к образу голкипера продиктовано историческими событиями 1940-х годов. Внешние характеристики вратаря в рассказе «Состоится при всякой погоде» во многом дублируют черты Антона Кандидова. Телесная сила, крепость духа, жажда побед – все это уже было знакомо литературе. Великая Отечественная война как историческое событие

²¹⁶ Кассиль Л. А. Состоится при всякой погоде // Кассиль Л. А. Вратарь Республики: Роман, рассказы, очерки. С. 335.

²¹⁷ Там же. С. 336.

²¹⁸ Там же. С. 337.

²¹⁹ Кассиль Л. А. Состоится при всякой погоде // Кассиль Л. А. Вратарь Республики: Роман, рассказы, очерки. С. 336.

²²⁰ Там же.

эпохи дала писателям новые импульсы для описания героев-спортсменов, способствовала тому, что внешняя атрибутика наполнилась обновленным внутренним содержанием, связанным с реальной, а не потенциальной максимализацией сил, необходимых для защиты Родины, а также с верой в эту возможность.

2.1.6. Переосмысление фигуры вратаря: образ Кости Шишкина в повести Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома»

Игра в мяч является неотъемлемой частью жизни юных учеников 4 класса в повести Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома». Несмотря на то, что текст Носова был написан в послевоенное время, в этом произведении поднимаются традиционные вопросы в отношении футбола как игрового процесса, характерные для 1920–1930-х годов. Перед нами вновь возникает мотив нежелания играть на позиции вратаря: «Никто не хотел стоять в воротах. Каждому хотелось бегать по всему полю и забивать голы»²²¹. Юных футболистов наполняет энергия, поэтому им непросто согласиться играть на позиции голкипера. Витя Малеев играет в поле, на воротах стоит его друг Костя Шишкин. Носов использует сравнение прыжка человека с прыжком кошки: «На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарем. Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча»²²². Здесь возникает мотив чудесного спасения ворот, который уже не раз встречался нам в других прозаических текстах. При этом если, например, в романе «Зависть» Олеси движения Володи Макарова описываются как движения, выходящие за пределы физических законов, и подаются как нечто фантастическое, то у Носова невероятность прыжков подается в более реалистическом ключе. Автор использует подобное сравнение неслучайно. В повести сказано, что Костя является любителем животных. У него есть собака Лобзик, которую мальчик по ходу сюжета учит считать. Кроме того, у учени-

²²¹ Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома // Носов Н. Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. С. 441.

²²² Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома // Носов Н. Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. С. 442.

ка есть мечта стать цирковым акробатом, а в этой работе важно искусство движения. Наконец, Костя, помимо футбола, любит играть в баскетбол – игру, близкую к футболу и в то же время противоположную ему, ведь в баскетболе важно умение вести мяч руками, а не ногами.

Когда команде, за которую играют Витя и Костя, удастся забить два гола, соперники начинают усиливать натиск. Костя пытается повторить подвиг, совершенный Антоном Кандидовым в романе «Вратарь Республики», однако ему это не удается:

«Тогда Шишкин схватил мяч руками и помчался с ним прямо к воротам противника. Там он положил мяч на землю и уже хотел забить гол, но тут Игорь Грачев ловко отыграл у него мяч, передал Славе Ведерникову, Слава Ведерников – Ване Пахомову, и не успели мы оглянуться, как мяч уже был в наших воротах. Счет стал 2:1, Шишкин со всех ног побежал на свое место, но, пока он бежал, нам снова забили гол, и счет стал 2:2»²²³.

Мы не можем документально подтвердить, читал ли Носов роман Кассиля, однако представляется очевидным то, что в рассматриваемом эпизоде Носов обыгрывает сказочные мотивы «Вратаря Республики». Писатель как бы приземляет образ вратаря, показывая, что голкипер – игрок, который при всех своих способностях спасителя и стража ворот, может ошибаться. У Кассиля вратарь выходит из ворот, чтобы принести своей команде победу. У Носова вратарь совершает выход из ворот, чтобы снизить натиск соперника. Также Костя не может исправно стоять в воротах из-за любви к баскетболу – вот еще одно объяснение его выходов. Если мы обратимся далее к тексту Носова, то мы увидим, что Костя еще не раз пытается лично забить гол, являясь при этом вратарем:

²²³ Там же.

«Мы принялись ругать на все лады Шишкина за то, что он оставил свои ворота, а он оправдывался и говорил, что теперь будет играть по правилам. Но из этих обещаний ничего не вышло. Он то и дело выскакивал из ворот, и как раз в это время нам забивали голы. Игра продолжалась до позднего вечера. Мы забили шестнадцать голов, а нам забили двадцать один»²²⁴.

В послевоенное время футбол перестает восприниматься как новшество в жизни советского человека, поэтому прежние мотивы оказываются приземленными. В 1920-е годы происходит «борьба между старым и новым за ценности нового мира»²²⁵. 1930-е годы – время победы нового над старым. Футбол как новинка становится явлением свершившимся и привычным. В литературе 1940-х годов частотность появления футбольных стихотворений или футбольных эпизодов в прозаических текстах растет, однако игра в мяч все реже обрастает дополнительными смыслами. Футбол в повести Носова воспринимается как будничное явление жизни, как нечто застывшее в своей монументальности. Он «видится как одна из примет обыденной жизни, рядового увлечения советских ребят»²²⁶. В этой повести «Витя Малеев в школе и дома» во многом повторяет путь, совершившийся в поэзии конца 1940-х годов. Авторы монографии о футболе в поэзии показали на примерах стихотворений С. Я. Маршака, А. Л. Барто и других авторов, что «за футболом прочно закрепляется репутация незамысловатой, даже примитивной игры, не требующей особых талантов»²²⁷, что футбол «изображался как опасный соблазн»²²⁸ и вызов воле ученика, способный вызвать проблемы в учебе.

Таким образом, рассмотрев в хронологическом порядке ряд художественных произведений советской прозы первой половины XX века, в

²²⁴ Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома // Носов Н. Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. С. 442.

²²⁵ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 45.

²²⁶ Там же. С. 243.

²²⁷ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 263.

²²⁸ Там же. С. 268.

которых появляется фигура футбольного вратаря, мы можем судить о двух ключевых особенностях эволюции интересующего нас героя:

1) постепенный переход к пародированию гипнотической сущности футбола, мотивов чудесного спасения, которые встречаются в каждом новом тексте, пополняя реестр метафор, схожих с теми, которые мы выделяли, анализируя роман «Зависть»;

2) вытекающий из первой особенности поиск новых сюжетных решений, способствующий расширению художественной впечатлительности (например, описание игры в мяч в школе, создание фигуры вратаря-конокрада).

2.2. Защитник

2.2.1. Образ Миши Борина в романе А. Р. Беляева «Чудесное око»

Описание игры вратаря в футбольных воротах в большинстве случаев сопряжено с действиями игроков группы атаки. В советской прозе, как мы уже отмечали, часто встречается метасюжет противостояния голкипера и форварда. Однако корпус текстов писателей-прозаиков включает в себя и такие произведения, в которых возникает фигура полевого игрока оборонительного плана, действующего перед вратарем, – защитника. Игроку этого амплуа отводится весьма незначительное место в художественной литературе. Нам представляется, что это связано с автобиографическим подтекстом произведений на тему футбола, ведь ведущие писатели с точки зрения создаваемой нами литературной парадигмы – Олеша, Кассиль, Козачинский – вводили в литературу образы голкиперов, имея определенный личный опыт игры на позиции вратаря.

Одним из текстов, где появляется образ футбольного защитника, является произведение классика советского научно-фантастического романа А. Р. Беляева «Чудесное око», опубликованное в 1935 году. Написан же роман был в конце 1920-х годов. Произведение посвящено развитию подводного телевидения («чудесное око» – кинескоп маленького телевизионного аппарата). Группа ученых работает на дне Атлантического океана, где затонул пасса-

жирский лайнер «Левиафан», на котором аргентинский изобретатель Хургес пытался перевести в Советский Союз секрет открытия атомной энергии. Хургес выгравировал информацию на металлических пластинках, а сами пластинки перед гибелью прикрепил к якорной цепи лайнера. На месте кораблекрушения работают три советских корабля. В процессе поисков экспедиция открывает на морском дне затонувший город древней цивилизации. Освещение работы советских ученых ведется в режиме реального времени при помощи миниатюрного подводного телевизора, который изобрел юный радист Мотя Гинзбург. Организация телепередачи из Атлантики в Москву подразумевает канал информации (подводный телевизор), передающего сигнал (ими выступают на протяжении романа разные герои: Мотя Гинзбург, водолаз Протчев), а также принимающего сигнал. В качестве последнего в произведении выступает Миша Борин – сын радиоинженера Борина, поехавшего в составе экспедиции в Атлантику. Борин-младший оказался за ее бортом. Почему так вышло?

Ответ на этот вопрос находим в главе «Несчастнейший человек в СССР». Миша Борин – студент второго курса университета, имеющий широкие планы на будущее. Он составляет план «геройской подготовки»²²⁹, немалое значение в котором играет спорт, в частности футбол. Миша играет на позиции полевого игрока, но не нападающего, как можно было подумать, а защитника. Именно игра в мяч рушит план героя поехать в Атлантику. Ситуация усугубляется тем фактом, что даже начальник научной экспедиции дает Мише разрешение на участие в ней. Однако для Миши участие в футбольном матче носит принципиальный характер:

«Футбол! Ведь завтра встреча команды их университета с командой технологического института. За этими хлопотами Мишка едва не забыл об экспеди-

²²⁹ *Беляев А. Р.* Чудесное око // *Беляев А. Р.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М., 2007. С. 191.

ции. Мишка – “бек”-чемпион. Конечно, он обязан участвовать... Победит “технологичку” в последний раз в этом сезоне и поедет»²³⁰.

Сама игра Беляевым не описывается. Автор лишь упоминает о том, что, когда игроки в игровом эпизоде «набросились на мяч как сумасшедшие»²³¹, Миша упал и почувствовал боль в ноге. Перелом лишает героя шанса участвовать в экспедиции и вызывает у него горькое разочарование. Миша повторяет слова, вынесенные в заголовок главы романа:

Когда Мишку привезли домой и уложили в постель, он сказал Гинзбургу:
– Я несчастнейший человек в СССР²³².

Здесь обыгрывается мотив несчастья во время игры в мяч, который нам уже встречался в романе Мариенгофа. В произведении Беляева герой испытывает чувство досады от полученной травмы, поэтому он объявляет себя самым несчастным человеком. Что касается Титичкина в «Бритом человеке», то он несчастен просто потому, что существует футбол. Оба персонажа не имеют возможности отказаться от игры, но по прямо противоположным причинам. В этом заключается различие сходного мотива в обоих текстах.

Экспедиция для Миши не заканчивается и превращается в телеэкспедицию, потому что он наблюдает за происходящим в другой части света при помощи экрана телевизора и радиостанции, позволяющей поддерживать связь. На него возложено дежурство. Борин-старший говорит сыну: «Тебе будет недоставать лишь запаха океана. Но это ты уж дополнишь воображением»²³³.

²³⁰ Беляев А. Р. Чудесное око // Беляев А. Р. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. С. 192.

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Беляев А. Р. Чудесное око // Беляев А. Р. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. С. 195.

Итак, игра в футбол в романе Беляева выполняет специфическую функцию. Автор не отводит места описанию футбольных матчей даже в той мере, в какой это делает Мариенгоф. Роман не позволяет выделить отличительные черты героя-защитника, как нам удалось это сделать в текстах, где речь идет о голкиперах. Автор определил амплуа защитника для своего персонажа, но он мог точно так же сделать Мишу Борина полузащитником, нападающим или вратарем. Миша Борин не эквивалентен образам Миши Титичкина или Володи Макарова в типологическом аспекте, потому что в «Чудесном оке» футбол выполняет скорее композиционную функцию. Поясним свое предположение. Травма, полученная Мишей в игре, не позволяет ему ехать в Атлантику, но в то же время она открывает возможности описывать дальнейшие события из Москвы. Миша Борин, как выясняется из дальнейшего содержания романа, играет в экспедиции немаловажную роль. Например, в главе «Подводная дуга» он увидел в телеоко акулу, подплывающую к водолазу Протчеву со спины, и сумел по радиосвязи предупредить героя об опасности и спасти его от гибели.

Футбол, таким образом, во-первых, изменяет судьбу Миши Борина, а во-вторых, служит мотивировкой для ведения романного повествования с другого ракурса. Такова функция игры в романе Беляева.

2.2.2. Защитник по чужой воле: образ Васи Манджуры в романе В. П. Беляева «Старая крепость»

Образ футболиста, играющего на позиции защитника, также встречается в трилогии В. П. Беляева «Старая крепость» (1937–1951). Действие разворачивается на фоне важнейших исторических событий первой половины XX века (Октябрьская революция, Первая Мировая война, Великая Отечественная война) в маленьком украинском городке Каменец-Подольский. Повествование ведется от лица главного героя Васи Манджуры. Автор «Старой крепости» вспоминал: «Ясно одно <...> никогда бы мне не написать этой книги, если бы биография ее главного героя и рассказчика Василия

Манджуры в своих основных чертах не совпадала с моей собственной жизнью»²³⁴.

В главке «Первый матч» второй части трилогии («Дом с привидениями») описывается, как во двореке трудовой школы юные курсанты играют в футбол. Игра в мяч у Беляева – это реалья, вошедшая в жизнь молодых ребят как одна из форм проведения досуга, которая возникает параллельно с происходящими переменами в общественной жизни. Сам писатель характеризовал совокупность мальчишеских игр и забав как «будничное и незначительное в судьбе героев и судьбе города»²³⁵. Действительно, в «Старой крепости» футбол возникает лишь как историческая реалья. При этом, как и в романе «Чудесное око» А. Р. Беляева, в произведении В. П. Беляева возникает образ защитника. Можно сказать, что тексты однофамильцев Беляевых имеют типологическое сходство: в обоих романах эксплицировано одно и то же футбольное амплуа.

Интересно, что в футбольных эпизодах «Старой крепости», помимо непосредственно курсантов, в футбол играют и преподаватели²³⁶:

В тех воротах, что были возле меня, суетился лектор политэкономии, стриженный под машинку Картамышев в широченных синих галифе и оранжевой майке-безрукавке. Вчера я услышал, что этого Картамышева и лектора по естествознанию Бойко называли «братьями-разбойниками». Они были похожи друг на друга – носили синие костюмы и каракулевые папахи с красным бархатным верхом

Теперь «брат-разбойник» Бойко суетился в центре²³⁷.

²³⁴ Разумневич В. Л. Владимир Беляев: Очерк творчества. М., 1983. С. 10.

²³⁵ Там же. С. 32.

²³⁶ Совместная игра в футбол учителей и учеников является историческим фактом, засвидетельствованным мемуаристами. В частности, А. П. Старостин писал о своем учителе истории в 18-ой девятилетней школе в Москве: «Валентин Николаевич очень любил спорт и в футбол играл с увлечением школьника, не считаясь с тем, что был близорук и носил пенсне» (*Старостин А. П. Встречи на футбольной орбите*. С. 67).

²³⁷ Беляев В. П. Старая крепость // Беляев В. П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1988. С. 195.

В команде последнего оказывается Манджура и играет защитника, причем игроком обороны герой становится не по своей воле, а по чужой. Миша Борин в «Чудесном оке» играет в защите не по назначению со стороны, а постольку, поскольку это его основное амплуа на футбольном поле. Мы уже отмечали, что А. Р. Беляев не описывает подробно историю становления своего персонажа, и поэтому мы принимаем тот факт, что Миша Борин играет защитника как данность. Что касается героя В. П. Беляева, то его именно назначают играть в обороне.

Страстное желание играть сочетается в Васе Манджуре с недостатком игровых навыков. Неслучайно на вопрос Бойко «Умеешь играть?»²³⁸ герой отвечает дрожащим голосом: «Умею, только не особенно!»²³⁹ Именно вследствие недостатка практики герой в начале игры промахивается по мячу, и лишь чудо спасает его команду от пропущенного гола:

Сейчас я его...

Я сразу засуетился, запрыгал, подняв навстречу мячу ногу... и промазал.

Полевой не ждал мяча. Казалось, вот-вот будет гол. Но в ту минуту, когда мячу оставалось пролететь до ворот каких-нибудь два шага, Полевой вдруг сразу бросился на землю и принял мяч. И сразу Полевой вскочил и, подбросив мяч, сильно ударил по нему кулаком. Мяч снова полетел на середину²⁴⁰.

Освоившись на поле, Манджура больше не допускает ошибок, и неудачи сменяются успехом. Героя, как и всех остальных играющих в мяч, охватывает азарт игры, поэтому им не страшны ни жара, ни заноза в пятке, ни окровавленные пальцы на ногах.

²³⁸ Беляев В. П. Старая крепость // Беляев В. П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. С. 196.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же.

2.3. Нападающий

2.3.1. Образ Геньки Калюжного в романе В. К. Кетлинской «Мужество»

Ключевые литературные образы футболистов-нападающих были рассмотрены в подглавке «Вратарь», однако галерея форвардов не исчерпывается Гецкэ, Беном Хоргом и Красавчиком. Советская проза предоставляет читателям такие тексты, где игроки атакующего плана представлены вне традиционного противостояния с вратарем и даже вне футбольного поля.

Образ Геньки Калюжного из романа В. К. Кетлинской «Мужество», повествующего о строителях г. Комсомольск-на-Амуре, приехавших на Дальний Восток из разных концов СССР, напоминает Антона Кандидова из романа Кассиля «Вратарь Республики». Генька Калюжный – командир одной из бригад строителей. Это одессит, работавший до отъезда на Дальний Восток на судостроительном заводе токарем. Помимо всего прочего, этот персонаж – «лучший форвард заводской футбольной команды»²⁴¹. У Калюжного есть друг Сема Альтшулер, похожий на Женю Карасика. Также, как и Калюжный, Альтшулер является одесситом, лучшим заводским изобретателем, токарем, однако в футбол не играет.

В чем заключается сходство персонажей романов Кетлинской и Кассиля? Во-первых, как и герои «Вратаря Республики», Калюжный и Альтшулер противопоставлены друг другу в физиологическом аспекте: «Один был мощен, широк, высок – великолепный образец мужской красоты и силы. Другой был худощав, мал ростом, невзрачен – не то подросток, не то юноша. И в то время как первый свободно распахнул куртку, подставляя солнцу румяную грудь в голубой полосатой майке, второй зябко кутался в осеннее пальто»²⁴². Во-вторых, героев связывают узы «глубокой дружеской любви»²⁴³. Наконец, нема-

²⁴¹ Кетлинская В. К. Мужество // Кетлинская В. К. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Л., 1978. С. 42.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

ловажным оказывается и тот факт, что, как и Кандидов, до трудоустройства на заводе Калюжный работал грузчиком. Однако с учетом сходства пар героев из двух романов мы с легкостью обнаружим и отличия. Прежде всего, футболу в тексте Кетлинской отводится лишь одна главка огромного романа, чего нельзя сказать о произведении Кассиля. Кроме того, бросается в глаза отличие в футбольном амплуа Кандидова и Калюжного. Герои занимают прямо противоположные места на поле: Калюжный – нападающий, Кандидов – вратарь.

Кетлинская выводит на страницах своего произведения очередного сильного в физическом отношении героя, рабочего человека, который, помимо всего прочего, играет в футбол. Писатели-прозаики, как мы уже успели убедиться, часто акцентируют внимание на социальном происхождении героев-футболистов и выстраивают модель жизни человека, во многом имеющую сходство с советской действительностью того времени. Подчеркнем, что люди, стоявшие у истоков футбола в дореволюционной России и затем в СССР, – это в подавляющем большинстве выходцы из рабочего класса, пролетарии. «Участвовать в соревнованиях считалось несолидным занятием для интеллигентного человека»²⁴⁴. Контингент футболистов составляли мелкие служащие, учащиеся, продавцы, рабочие фабрик и заводов, грузчики. Клубы существовали за счет членских взносов, доходов от платы за входные билеты, от сумм, выделяемых меценатами. Н. П. Старостин, старший из четырех братьев Старостиных, вспоминал: «Мы были бедны. Но не душой. Стадион был вторым домом, на игры и на тренировки ходили с женами и детьми, кто что мог, несли в клуб, патриоты мы были отчаянные»²⁴⁵. Из рабочих и учащейся молодежи были составлены и так называемые «дикие» команды – многочисленные коллективы, не прикрепленные к трудовому кооперативу или заводу, не имеющие своего поля. Рабочее происхождение персонажей-футболистов в литературных текстах следует признать фактом отражения эпохи.

²⁴⁴ Лукосяк Ю. П. Футбол. Первые шаги. 1860–1923. С. 10.

²⁴⁵ Старостин Н. П. Футбол сквозь годы. М., 1989. С. 22.

2.3.2. Образ Мануэля Руфо в рассказе Л. А. Кассиля «Матч в Валенсии»

В центре повествования рассказа «Матч в Валенсии», опубликованного впервые в 1939 году и написанного Кассилем после поездки в Испанию, охваченную гражданской войной, – матч между командами Валенсии и Барселоны²⁴⁶. Нарратив выстроен с позиций рассказчика, прибывшего в гавань близ Валенсии на советском теплоходе «Комсомол».

Зрители по случаю городского праздника приходят на стадион в Валенсии в национальных костюмах, придавая матчу дополнительные краски и антураж:

На мужчинах были желтые и красные колпачки со свешивающимися кистями и свободные короткие белые штаны, белые чулки, легкие фигаро и широкие шелковые кушаки, плотно намотанные на талии. Девушки были в очень ярких и пестрых платьях с белыми кружевными передниками, с большими гребнями в волосах, с распустившимися валенсийскими розами на груди (1; 489).

Команды встречаются на футбольном поле, а затем вместе уходят на фронт. «Это наш последний матч» (1; 488), – говорит Мануэль Руфо, лидер валенсийцев. Словам игрока также вторит судья матча, обращая внимание игроков на то, чтобы до выступления на фронт никто из игроков не покалечил друг друга. С одной стороны, война во время матча отходит на второй план, поскольку футбол захватывает как игроков, так и аудиторию на трибунах. Именно поэтому в эпизоде, когда Руфо забивает первый гол в ворота каталонцев, рассказчик неспособен найти слова для передачи возникшей на стадионе атмосферы: «В наборных кассах не найдется столько восклицательных знаков, сколько потребовалось бы здесь для передачи восторгов стадиона» (1;

²⁴⁶ Кассиль был очевидцем той игры, о чем позднее писал в другом своем произведении на тему футбола «Состоится при всякой погоде».

490). С другой стороны, участники футбольного матча ни на секунду не забывают о военном времени. При счете 3:0 в пользу валенсийцев в одном игровом эпизоде мяч взлетает вверх, и игроки задирают головы вверх, чтобы увидеть падающий на поле игровой снаряд. В этот момент лучший игрок каталонцев Санчо Григейрос видит самолет, который, к счастью собравшихся на стадионе, оказывается пассажирским. Это достаточно существенная деталь, так как в день игры существовала потенциальная угроза воздушной атаки на Валенсию. Во вступлении к другому своему рассказу («Состоится при всякой погоде») Кассиль, вспоминая об антураже памятного матча в Испании, писал, что «каждый из восемнадцати тысяч зрителей, пришедших на стадион, прочел перед входом воззвание комендатуры и муниципалитета, объяснявшее гражданам Валенсии опасность всякого рода людских скоплений ввиду угрозы воздушного нападения»²⁴⁷.

Противостояние валенсийцев и каталонцев в рамках рассказа сводится к дуэли правого хава Барселоны Санчо Григейроса и левого инсайда Валенсии Маноло Руфо. В отличие от подавляющего большинства художественных текстов, в которых описано противостояние форварда и голкипера, в рассказе «Матч в Валенсии» повествуется о противоборстве нападающего и полузащитника. Высокий и крепкий Руфо и «маленький, курчавый, полногубый» (1; 489) Григейрос предстают Давидом и Голиафом на гладиаторской арене, однако, вопреки исходу конфликта между мифическими персонажами, в рассказе Кассиля Давид Голиафа не побеждает. В начале игры Санчо пропускает Руфо, и тот забивает первый гол, но после этого каталонец прерывает все замыслы валенсийца и не дает тому развернуться на поле: «Нетерпеливый Мануэль стал горячиться, удары его теряли точность, он спотыкался. Григейрос с неподражаемой учтивостью помогал ему подняться и, как заботливая нянька, сопровождал его, вертясь, как овчарка возле взъярившегося быка, не давал Маноло доступа к воротам» (1; 491). Неудачи в игре –

²⁴⁷ Кассиль Л. А. Состоится при всякой погоде // Кассиль Л. А. Вратарь Республики: Роман, рассказы, очерки. С. 329.

лишь одна причина, почему Руфо выходит из себя. Другой источник злости – хохот с трибун, вызванный тем, что валенсийцы растерялись, увидев в небе пассажирский самолет. Анализируя публицистику Кассиля и находя переключки между спортивными статьями и художественными произведениями писателя, Д. А. Туленков отмечает: «Зрители в работах Кассиля всегда живут, всегда активны и неотделимы от деятельности спортсменов»²⁴⁸. Когда Руфо окончательно теряет самообладание, он ударяет Григейроса по ступне и наносит игроку травму, на что гневно реагируют болельщики. Судья просит нападающего Валенсии покинуть поле за совершенный фол, а зрители бросают в него корки апельсина и жеваную бумагу.

Таким образом, оба футболиста покидают футбольную арену до окончания матча. Хотя валенсийцы ведут в счете и Руфо забивает один из голов, моральная победа остается за каталонцем Санчо. Финал рассказа эксплицирует примирение героев, которым в скором времени предстоит отправиться вслед за своими товарищами на фронт. Составители сборника «Кассиль и о Кассиле» А. П. Кулешов и Ц. Солодарь, говоря о морали рассказа «Матч в Валенсии», справедливо отмечают: «Спорт – игра, и не надо подрывать силы, нужные для другого – для борьбы с настоящим врагом»²⁴⁹.

Нападающий Руфо в рассказе «Матч в Валенсии» не действует как одиночка, подобно Гецкэ в романе «Зависть», он командный игрок, заряженный на чужие ворота и находящий любую возможность забить гол в ворота соперника. В этом отношении он встает в один ряд с героем «Зависти», а также с Беном Хоргом из «Вратаря Республики». Однако, в отличие от двух последних, Руфо противостоит не голкиперу, а игроку полевого амплуа, и в этом внешнем отличии и заключается, на наш взгляд, локальная новизна рассказа Кассиля. Автор переносит центр тяжести из пределов площади ворот, где вратарь совершает чудесные спасения, на середину футбольного поля, где

²⁴⁸ Туленков Д. А. Научные вести из Саратова: Спортивная публицистика Льва Кассиля в «Известиях» 1930-х годов. С. 130.

²⁴⁹ Кулешов А. П., Солодарь Ц. В кругу друзей // Кассиль и о Кассиле. С. 292.

Григейрос словно присасывается к Руфо и не дает нападающему совершить полезное игровое действие. Мы не хотим сказать, что подобный перенос является чем-то абсолютно новым в советской прозе. Безусловно, в романе «Вратарь Республики» в футбольных эпизодах встречаются описания борьбы полевых игроков, однако эти эпизоды фрагментарны и не играют центральной роли в построении произведения. Что касается «Матча в Валенсии», то противостояние Руфо и Григейроса является ключевым сюжетообразующим элементом во всем рассказе.

2.4. Болельщик

Откуда появилось в спорте, школе здоровья,
это новое слово? Слово это придумал народ.
«Болеть душой за кого-то»,
близко принимать к сердцу то, что
происходит с любимым спортсменом,
чувствовать и переживать его удачи и горести –
вот откуда идет это слово.
Болельщик – прозвище благородное,
немного ироническое и,
как все народные определения,
удивительно меткое²⁵⁰.

Помимо изображения игроков различных амплуа, проанализированных нами выше, советские прозаики в своих произведениях нередко отводят место и описанию поведения зрителей на трибунах футбольных стадионов, до самой игры на подступах к стадиону, а также вне его пределов. Так, И. Ильф и Е. Петров в фельетоне «Любители футбола» иронично обыгрывают мотивы поведения болельщиков в Москве в преддверие футбольной игры:

²⁵⁰ Старостин А. П. Большой футбол. М., 1964. С. 179–180.

«Положение обыкновенных граждан в такой день (День футбольного матча. – П. Ю.) ужасно. Все пути сообщения заняты любителями. Размахивая руками и громко делаясь догадками насчет предстоящей игры, они захватывают вагоны, мостовые, тротуары, окружают одиночные такси и с молящими лицами просят шофера отвезти их на стадион, просят как нищие, со слезами на глазах»²⁵¹.

Деление населения на обыкновенных граждан и болельщиков также подмечено Л. И. Лагиным в повести «Старик Хоттабыч»: «В дни футбольных матчей все население Москвы разбивается на два не понимающих друг друга лагеря. В одном из лагерей – энтузиасты футбола. В другом – загадочные люди, абсолютно равнодушные к этому увлекательному виду спорта»²⁵². Рассказчик с иронией описывает группу не-болельщиков, которые «недоуменножимают плечами, видя, как сотни переполненных трамваев, автобусов, троллейбусов и тысячи легковых машин медленно плывут в бурном и шумном море пеших болельщиков»²⁵³. В группе болельщиков-энтузиастов при внешней цельности есть внутренние противоречия, вызванные симпатией к той или иной команде, а также тем, что у одних болельщиков билеты уже на руках, а у других таковых не имеется. То же деление есть и в «Любителях футбола»: Ильф и Петров выделяют организованных и неорганизованных болельщиков. Последние приходят «в надежде на чудо»²⁵⁴, что сумеют достать лишний билет. В «Старике Хоттабыче» «возбужденные люди»²⁵⁵ при виде пачки билетов в руках Хоттабыча едва не убивают его, и лишь отбежавший в сторону Воль-

²⁵¹ Ильф И., Петров Е. Любители футбола // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., 1996. С. 410.

²⁵² Лагин Л. И. Старик Хоттабыч. М., 1998. С. 107.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Ильф И., Петров Е. Любители футбола // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. С. 410.

²⁵⁵ Лагин Л. И. Старик Хоттабыч. С. 108.

ка выручает колдуна, крикнув «магические слова»: «Граждане, кому лишние билетники? Налетайте, граждане!»²⁵⁶. Как Ильф и Петров, так и Лагин высмеивают безбилетников в своих текстах.

Что касается самой игры, то Ильф и Петров отмечают, что «ни одно зрелищное предприятие не может похвалиться такой обширной рабочей аудиторией, как стадион в день большого международного матча»²⁵⁷. Азарт игры наполняет болельщика изнутри, вследствие чего последнему «всегда кажется, что судья кривит душой и неверное судит, что нападающая пятерка недостаточно быстро бегают, а левый край вообще ни к черту»²⁵⁸. Особую атмосферу подчеркивает и Лагин в «Старике Хоттабыче»: «Между тем стадион бурлил той особой, праздничной жизнью, которая кипит на нем всегда во время решающих футбольных состязаний»²⁵⁹. Футбол – это чудесное, магическое действие, не поддающееся рациональному объяснению, причем не только потому, что в игровой процесс врывается реальное колдовство в форме проделок Хоттабыча, но и потому, что игра и чувства, пробуждающиеся в душе болельщика, видятся чем-то невероятным. Культуролог и философ Й. Хейзинга писал: «Накал игры не объяснить никаким биологическим анализом. Но именно в этом накале, в этой способности приводить в исступление состоит ее сущность, ее исконное свойство»²⁶⁰. Для всех участников игрового процесса происходящее на спортивной арене становится магическим процессом: «Описывая чудеса, совершаемые Хоттабычем по ходу игры – внезапное появление на поле “двадцати двух ярко раскрашенных в цвета радуги мячей, изготовленных из превосходного сафьяна”, сдвиг штанги ворот “сантиметров на пятьдесят в сторону” и внезапное заболевание целой команды корью – ав-

Там же. С. 109.

²⁵⁶ Там же. С. 108.

²⁵⁷ Ильф И., Петров Е. Любители футбола // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. С. 411.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Лагин Л. И. Старик Хоттабыч. С. 109.

²⁶⁰ Хейзинга Й. Человек играющий: Статьи по истории культуры. С. 17.

тор в то же время вскрывает магическую природу футбола как такового»²⁶¹, – справедливо пишут авторы монографии о футболе в поэзии. Зритель в каждом отдельном игровом эпизоде испытывает катарсис, именно поэтому реакция болельщика в высшей степени естественна. Результат матча «не отмечен заранее, но обретается в противоборствующей неизведанности авантюрного путешествия, в котором все может случиться и каждый волен изменить свою судьбу»²⁶². Отсюда возникают минуты разочарования и радости, счастья и грусти. Игровая ситуация переживается в душе каждого болельщика: «Все восемьдесят с лишним тысяч зрителей в неопишемом волнении привскочили со своих мест, затаив дыхание»²⁶³. Стадион живет как цельный организм, в котором каждая клетка – это отдельный зритель. Лишь некоторые «пижоны»²⁶⁴ бегут к выходу со стадиона, не дождавшись финального свистка судьи: «Это жалкие люди, которым трамвай дороже футбола»²⁶⁵. Что же касается основной части зрителей, то после окончания матча она, выйдя за пределы спортивной арены, обсуждает увиденное и выносит вердикт относительно отдельных игровых аспектов. Одинокому болельщику, как пишут Ильф и Петров, «плохо приходится»²⁶⁶. В футболе конца 1920–начала 1930-х годов провозглашался комбинационный принцип игры, о чем мы говорили в первой главе нашего исследования, рассуждая об игре в «Дневнике Кости Рябцева». Именно такую манеру ведения игры – комбинационный футбол – ценит болельщик. Зритель «волнуется, кипит, болеет душой, *высоко ценит дружную игру команды*, точную передачу мяча и верный удар по воротам»²⁶⁷ (Курсив наш. – П. Ю.). Командное взаимодействие ставится выше индивидуальной

²⁶¹ Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И. Указ. соч. С. 288–289.

²⁶² Гольдштейн А. Л. Расставание с Нарциссом. Опыт поминальной риторики. С. 169.

²⁶³ Лагин Л. И. Старик Хоттабыч. С. 114.

²⁶⁴ Ильф И., Петров Е. Любители футбола // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. С. 411.

²⁶⁵ Там же. С. 411–412.

²⁶⁶ Там же. С. 412.

²⁶⁷ Там же. С. 411.

манеры игры, поэтому игроки, действующие как Юшка из повести Огнева, как Гецке из романа Олеси «портят всю чудесную музыку футбола»²⁶⁸.

²⁶⁸ Там же.

Заключение

Тема футбола как наиболее эффектная реализация темы спорта связана с творчеством или личной жизнью многих очень непохожих друг на друга советских писателей первой половины XX века. Распространение этой темы объясняется бурными историко-культурными процессами эпохи: преобразованием мышления людей, их вкусов, образа жизни, пониманием соотношения внешнего и внутреннего мира человека, появлением новых жизненных целей и ориентиров. Утверждение в советском обществе необходимости занятия спортом как обязательного условия формирования человека будущего, торжество культа здорового тела и неоклассических тенденций во всем мире в середине XX века поставили спорт в число новаторских явлений современности. Не приобщиться к спорту, не включиться в споры о нем, не затронуть его в своем творчестве было практически невозможно не только для молодых, но и для зрелых и солидных авторов, если они заботились о том, чтобы не отстать от духа времени. Так, даже такие маститые писатели, как Вересаев и Горький, в своих поздних произведениях упоминают о спорте.

Самым массовым видом спорта явился футбол, который быстро стал всенародно любимым видом состязаний. Помимо популярности, тому, что именно футбол стал часто изображаться в литературе, способствовало увлечение многих писателей младшего поколения игрой в мяч в реальной жизни. Поэтому в основе темы футбола, как и в основе многих других тем, пополняющих художественную словесность в XX веке, лежит автобиографизм, личные впечатления реальных авторов, жизнетворчество. Эту тему особенно трудно изучать, не опираясь на историко-культурный контекст, что мы и попытались показать в данной работе.

Как было неоднократно отмечено выше, имеется замечательное исследование, посвященное теме футбола в поэзии первой половины XX

века. Настоящая диссертация стремилась, хотя бы до некоторой степени восполнить неизученность этой темы на материале прозы того периода.

Рассмотрение прозаических художественных текстов и их типологическое соотнесение позволило нам выстроить парадигму текстов, наиболее значительными из которых следует признать «Зависть» Олеси, первое в отечественной литературе подробное описание футбольного матча, и книги Кассиля, который продолжил путь, начатый Олешей, и создал роман о футболе.

Отметим, что автобиографическое начало в прозаических произведениях (и связанный с ним документализм освещения футбольных эпизодов) выражено сильнее, чем в поэзии. Это связано с понятием тесноты стихового ряда (термин Ю. Н. Тынянова²⁶⁹): нагромождением семантических значений в рамках стиха, обилием тропов, деформацией синтаксиса. В поэзии к моменту появления романа «Зависть» уже сосуществовали наравне несколько поэтических традиций освещения футбольной темы. С 1910 года, когда было опубликовано стихотворение Саши Черного, до 1927 года, когда в печати появился текст Олеси, проходит большой промежуток времени, за который поэзия (как низовая в форме стихотворных фельетонов, частушек и куплетов, так и высокая) сумела осмыслить и выработать язык футбольных образов. Те тропы, к которым прибегают прозаики, не усложняют восприятие текста и считываются легче, чем в стихотворных произведениях. Можно сказать, что проза на тему футбола *проще*, чем поэзия.

В советской прозе первой половины XX века нашли свое отражение все типы споров о футболе, в которых формировалась нынешняя репутация игры в мяч. Это, во-первых, взаимное непонимание старшего поколения, отрицавшего футбол, и младшего, пропагандировавшего эту игру. Во-вторых, вытекающее из этого конфликта, а также из истории усвоения игры в России, истолкование футбола как атрибута дореволюционной или советской культуры, элитарного развлечения или всенародного вида спорта. В-третьих, это эстетическое приятие или неприятие футбола как грязной и грубой

²⁶⁹ См.: Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка; Статьи. М., 1965.

забавы или блестящего проявления своих возможностей с точки зрения физического аспекта. В-четвертых, споры о гендерной специфике футбола как сугубо мужской или универсальной игре. Наконец, в-пятых, педагогическая полемика о пользе и вреде футбола.

В ходе этих споров возникли общие места, разработанные в советской прозе: футбол как битва, футбол как болезнь, футбол как сублимация интимных отношений и т. д. В произведениях выстраивается система устойчивых амплуа, обусловленных функциями игроков на футбольном поле, особый хронотоп стадиона. Возникли ходовые сюжетные модели, набор приемов, движущих действие в рамках футбольных эпизодов. Краткий обзор этих особенностей поэтики и был дан в настоящем исследовании.

Так, наиболее частотным образом в советской прозе на тему футбола становится вратарь. Он предстает как защитник последнего рубежа обороны своей команды. Нападающий выводится писателями-прозаиками как персонаж, нарушающий границу, охраняемую голкипером. Дуэль игроков на футбольном поле осмысливается в различных аспектах и, как следствие, прочитывается по-разному: например, у Олеси поединок Володи Макарова и Гецкэ погружается в общественно-политическую плоскость, а у Кассиля противостояние Антона Кандидова и Бена Хорга дополняется аллюзиями на античную культуру.

Менее частотно в советской прозе первой половины XX века встречаются амплуа полузащитника и защитника. Их появление на страницах художественных произведений, как мы попытались показать, во многом искусственно в том смысле, что авторы не описывают собственно игровые особенности этих полевых амплуа. Исключением является образ Мануэля Руфо в рассказе Кассиля «Состоится при всякой погоде».

Традиции освещения футбольной темы, заложенные Олешей, Кассилем, Лагиным, продолжают во второй половине XX века такие писатели-прозаики, как Ю. М. Нагибин, Ю. В. Трифонов, Н. Е. Елинсон, А. В. Кикнадзе, А. В. Кузнецов и др. Так, ставшие классическими для советской прозы

первой половины XX века мотивы чудесного спасения футбольных ворот, игры в мяч как особого процесса встречаются в рассказах из сборника Трифонова «Игры в сумерках» (1970). В повести Кикнадзе «Тот длинный тайм» (1969) и в романе-документе Кузнецова «Бабий Яр» (1967) найдет свое отражение тема футбола на фоне войны – описание матча между командами «Динамо» и сборной Ленинградского гарнизона в осажденном Ленинграде 6 мая 1942 года («Тот длинный тайм») и встречи футболистов киевского «Динамо» со сборной Вооруженных сил Германии с последующим расстрелом первых в Бабьем Яру за победу в игре над вторыми («Бабий Яр»).

Тема футбола будет также актуальна и в советской поэзии второй половины XX века. О футболе будут писать свои стихи и песни, в частности, В. С. Высоцкий, Е. А. Евтушенко, К. Я. Ваншенкин. В связи с этим одним из дальнейших направлений научного изучения игры в мяч в художественной литературе может стать сопоставление поэтических и прозаических текстов (причём как первой, так и второй половины XX столетия). Кроме того, перспективным направлением исследования видится сравнительный анализ темы футбола в произведениях русских писателей-эмигрантов и советских писателей. Наконец, ещё одной потенциальной темой исследования может стать обращение к другим видам спорта в художественной литературе (например, лыжному спорту или легкой атлетике), чтобы на более широком материале выявить черты персонажа-спортсмена.

Представляется, что произведения о футболе, написанные в первой половине XX века, интересны для нас не только с точки зрения исторических свидетельств о периоде становления отечественной физической культуры, но и с профессиональной (собственно спортивной) точки зрения: как именно проходит описываемая в тексте игра, как действуют ее участники, какую терминологию использует автор и т. д. Главное же, произведения продолжают требовать от нас ответов на вопросы, оставшиеся и поныне актуальными. Правомерно ли, скажем, считать спортивных героев «людьми-вещами»²⁷⁰,

²⁷⁰ Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеши. С. 64.

уподобленными неживому миру, и противопоставлять их другим персонажам на том лишь основании, что последние не только геометрически прорисованы, но и наделены индивидуальными чертами характера в противовес первым? Стоит ли занимать крайние позиции в данном вопросе? Стоит ли упрекать в схематичности писателей, попытавшихся изобразить, не скрывая при этом восхищения, героя, развивающего свое тело, достигшего в том успехов? Мы до сих пор слишком часто слышим такие упреки и в критике, и в научной литературе, и в повседневной жизни.

Анализ текстов, предпринятый в настоящей диссертации, между прочим, показывает, насколько ошибочна недооценка достоинств физической культуры. С момента зарождения спорта в России прошло более ста лет, и более чем вековая история отечественного футбола убедительно доказывает: нелепо придерживаться точки зрения о том, что спорт – «это для подростков, причем известных плохим поведением»²⁷¹, и относиться к футболу как к «какой-то организованной шалости»²⁷². Гораздо правильнее и уместнее будет признать правомерность его существования и неслучайность его вхождения в круг тем, вдохновлявших и продолжающих вдохновлять художников на создание произведений искусства.

²⁷¹ Олеша Ю. К. Книга прощания. С. 298.

²⁷² Там же.

Библиография

Источники художественных текстов

1. *Беляев А. Р.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М.: Терра-Книжный клуб, 2007. 381 с.
2. *Беляев В. П.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Советская Россия, 1988. 397 с.
3. *Вагинов К. К.* Полное собрание сочинений в прозе. СПб.: Академический проект, 1999. 590 с.
4. *Вересаев В. В.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М.: Правда, 1961. 535 с.
5. *Губер Б. А.* Мертвецы // Перевал. Сборник пятый. М.: Молодая гвардия, 1927. С. 115–131.
6. *Зоценко М. М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М.: Время, 2008. 784 с.
7. *Ильф И., Петров Е.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1996. 448 с.
8. *Кассиль Л. А.* Вратарь Республики: Роман, рассказы, очерки. М.: Физкультура и спорт, 1984. 412 с.
9. *Кассиль Л. А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Терра-Книжный клуб, 2009. 512 с.
10. *Катаев В. П.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1984. 495 с.
11. *Кетлинская В. К.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1978. 664 с.
12. *Козачинский А. В.* Зеленый фургон. М.: Современник, 1989. 45 с.
13. *Лавренев Б. А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1982. 678 с.

14. *Лагин Л. И.* Старик Хоттабыч. М.: Издательский дом «Искатель», 1998. 222 с.
15. *Ливеровский А. А.* Охотничье братство. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1990. 411 с.
16. *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М.: Арт-бизнес-центр, 1993. 702 с.
17. *Мариенгоф А. Б.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 672 с.
18. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 611 с.
19. *Носов Н. Н.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Издание И. П. Носова; ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 640 с.
20. *Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. М.: Художественная литература, 1966. 237 с.
21. *Олеша Ю. К.* Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. СПб.: Вита Нова, 2017. 624 с.
22. *Пантелеев А. И.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Л.: Детская литература, 1984. 399 с.
23. *Романов П. С.* Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. 399 с.
24. *Чарская Л. А.* Полное собрание сочинений: В 54 т. Т. 25. М.: Русская миссия: Приход храма Святого Духа сошествия, 2006. 320 с.

Научная литература, литературная критика

25. *Акмальдинова А. А., Лекманов О. А., Свердлов М. И.* «Ликует форвард на бегу...» Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950 годов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 304 с.

26. *Бадиков В. В.* Вопросы поэтики Юрия Олеши. (На материале прозы). Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Алма-Ата: Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова, 1967. 27 с.
27. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
28. *Бруштейн А. А. В. Козачинский* // Козачинский А. В. Зеленый фургон. Повесть. М.: Детская литература, 1972. С. 76–80.
29. *Вдовина И. П.* Проблема героя в романе Ю. Олеши «Зависть» // Проблемы реализма. [Сборник статей] / Под ред. В. В. Гура. [Вологда]: Северо-Западное книжное издательство, 1966. С. 131–148.
30. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. 304 с.
31. *Гольдштейн А. Л.* Расставание с Нарциссом. Опыт поминальной риторики. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 445 с.
32. Жизнь и творчество Льва Кассиля. [Сборник / Сост. Л. Разгон; Вступ. статья С. Михалкова]. М.: Детская литература, 1979. 367 с.
33. Жизнь и творчество Николая Носова. [Сборник / Сост. С. Миримский]. М.: Детская литература, 1985. 256 с.
34. Кассиль и о Кассиле. [Сборник / Сост.: А. Кулешов и Ц. Солодарь]. М.: Физкультура и спорт, 1972. 296 с.
35. *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 260 с.
36. *Котова М. А., Лекманов О. А.* В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. 288 с.
37. *Круглова Т. А.* Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, 2005. 384 с.

38. *Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 239 с.
39. *Левидов М.* О спортивном романе – вообще и в частности (Л. Кассиль, «Вратарь Республики») // *Детская литература.* 1939. № 5. С. 41–44.
40. *Левин Л.* Роман для болельщиков // *Резец.* 1939. № 6. С. 19–20.
41. *Лежнев А.* О «Зависти» Ю. Олеши // *Лежнев А. Литературные будни.* М.: Федерация, 1929. С. 213–216.
42. *Лойтер С. М.* Там, за горизонтом. М.: Детская литература, 1973. 120 с.
43. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю. М. Об искусстве.* СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
44. *Луначарский А. В.* Актуальнейшие темы художественной литературы // *Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2.* М.: Художественная литература, 1964. С. 448–453.
45. *Луначарский А. В.* «Заговор чувств» // *Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3.* М.: Художественная литература, 1964. С. 418–421.
46. *Макарова В. А.* О некоторых особенностях мастерства Льва Кассиля // *Вопросы детской литературы. [Сборник статей].* М.: Детская литература, 1954. С. 127–146.
47. *Мусатов В. В.* История русской литературы первой половины XX века (советский период). М.: Высшая школа: Academia, 2001. 310 с.
48. *Николаев В. Н.* Дорогами мечты и поиска. Творческий путь Льва Кассиля. М.: Детская литература, 1965. 200 с.
49. *О'Махоуни М.* Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
50. *Перцов В. О.* «Мы живем впервые»: О творчестве Ю. Олеши. М.: Советский писатель, 1976. 239 с.
51. *Платонов А. П.* Реторга для изготовления человек // *Платонов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8.* М.: Время, 2011. С. 330–335.

52. *Подковырин Ю. В.* Футбол как предмет изображения в художественной литературе // Феномен игры в художественном творчестве, культуре и языке: сборник научных статей / Под ред. Л. Ю. Фуксон, Ю. В. Подковырина. Томск: Издательство ТГПУ, 2009. С. 11–17.
53. *Полонский В.* Преодоление «Зависти» (О произведениях Ю. Олеши) // Полонский В. Очерки современной литературы. М.: Госиздат, 1930. С. 5–40.
54. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М: Лабиринт, 2001. 192 с.
55. *Разумневич В. Л.* Владимир Беляев: очерк творчества. М.: Детская литература, 1983. 126 с.
56. *Руднев В. П.* Метафизика футбола // Логос. 1999. № 8. С. 60–67.
57. *Скороспелова Е. Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М.: ТЕИС, 2003. 420 с.
58. *Смирнов И. П.* Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 351 с.
59. *Смирнова В.* Лев Кассиль, его герои, книги и друзья // Кассиль Л. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Детская литература, 1988. С. 553–578.
60. *Туленков Д. А.* Научные вести из Саратова: Спортивная публицистика Льва Кассиля в «Известиях» 1930-х годов // Тонус. Казань, 2005. № 11. С. 128–132.
61. *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка; Статьи. М.: Советский писатель, 1965. 301 с.
62. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
63. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
64. *Хейзинга Й.* Человек играющий: Статьи по истории культуры. М.: Айрис-пресс, 2003. 496 с.

65. *Чернова В.* Письмо «старой комсомолки» Юрию Карловичу Олеше // Молодая гвардия. 1935. № 1. С. 157–159.
66. *Чудакова М. О.* Мастерство Ю. Олеси. М.: Наука, 1972. 100 с.
67. *Юрин П. А.* Образ голкипера в романе Л. А. Кассиля «Вратарь Республики» и в повести А. В. Козачинского «Зеленый фургон» // XIX Открытая конференция студентов-филологов, 18-22 апреля 2016 г.: материалы конференции. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. С. 138–143.
68. *Яусс Х.-Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
69. *Harkins W. E.* The Theme of Sterility in Olesha's *Envy* // Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by Edward J. Brown. London etc.: Oxford univ. press, 1973. P. 280–294.
70. *Peppard V.* Olesha's *Envy* and the Carnival // Russian Literature and American Critics: In honour of Deming B. Brown / Ed. by Kenneth N. Brostrom. Ann Arbor (Mich.): Univ. of Michigan. Dep. Of Slavic lang. a. lit., 1984. P. 179–189.

Мемуарная литература

71. *Акимов А. М.* Записки вратаря. М.: Физкультура и спорт, 1968. 208 с.
72. *Биязи Н. Н.* Записки старого спортсмена. М.: Физкультура и спорт, 1966. 111 с.
73. *Бондарин С. А.* Встречи со сверстником // Бондарин С. А. На берегах и в море: Повести рассказы, записки. М.: Советский писатель, 1981. С. 444–454.
74. *Бутусов В. П.* Мы были Колумбами в русском футболе // Спортивная жизнь России. 1968. № 1. С. 21–23.
75. *Бутусов М. П.* Страницы футбольного прошлого // Нева. 1963. № 9. С. 171–180.

76. *Ваншенкин К. Я.* Воспоминание о спорте. М.: Советская Россия, 1978. 69 с.
77. Воспоминания о Юрии Олеше. М.: Советский писатель, 1975. 303 с.
78. *Горький М.* [О параде физкультурников] // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 451–452.
79. *Горянов Л. Б.* Ожившие легенды. М.: Физкультура и спорт, 1969. 255 с.
80. *Житарев В. Г.* На заре русского футбола // Физкультура и спорт. 1955. № 11. С. 36–37.
81. *Земская Е. А.* Из семейного архива // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 41–92.
82. *Коршак Ю. Ф.* Старый, старый футбол. М.: Физкультура и спорт, 1975. 119 с.
83. *Мартынов М.* Любимая игра. М.: Физкультура и спорт, 1955. 47 с.
84. *Мержанов М. И.* Играет «Спартак». М.: Физкультура и спорт, 1963. 136 с.
85. *Набоков В. В.* Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 140–335.
86. *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М.: ПРОЗАиК, 2015. 493 с.
87. *Панин-Коломенкин Н. А.* Страницы из прошлого: Воспоминания спортсмена. Т. 1. М.: Физкультура и спорт, 1951. 212 с.
88. *Пушкарев К. М.* Так становятся чемпионами. М.: Физкультура и спорт, 1960. 173 с.
89. *Разумовский Г. Н.* Страницы истории спорта в Вятке. Киров: [Волго-Вятское книжное издательство. Кировское отделение], 1968. 52 с.
90. Рассказы старых спортсменов. М.: Физкультура и спорт, 1951. 112 с.
91. *Рахтанов И. А.* Рассказы по памяти. М.: Детская литература, 1971. 223 с.
92. *Ромм М. Д.* Я болею за «Спартак»: Спорт, путешествия, восхождения. Алма-Ата: Жазушы, 1965. 326 с.

93. *Рябчиков Е.* «Динамо» – это сила в движении // Мы из «Динамо»: [Сборник статей и очерков]. М.: Физкультура и спорт, 1968. С. 5–15.
94. *Соколов Н. Е.* Первый вратарь сборной. М.: Физкультура и спорт, 1968. 143 с.
95. *Старостин А. П.* Большой футбол. М.: Московский рабочий, 1964. 343 с.
96. *Старостин А. П.* Встречи на футбольной орбите. М.: Советская Россия, 1980. 270 с.
97. *Старостин Н. П.* Футбол сквозь годы. М.: Советская Россия, 1989. 204 с.
98. *Сушков М. П.* Футбольный театр. М.: Молодая гвардия, 1981. 224 с.
99. *Федотов Г. И.* Записки футболиста. М.: Физкультура и спорт, 1959. 118 с.
100. *Чесноков Б. М.* От борьбы «дикарей» с «аристократами» к олимпийским победам // Спортивная жизнь России. 1960. № 12. С. 18.
101. *Якушин М. И.* Вечная тайна футбола. М.: Физкультура и спорт, 1988. 223 с.

Справочная литература

102. *Белавенцева Г. Н., Глаголевский Н. И.* Спортивная юность. М.: Б. и., 1957. 72 с.
103. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 3: Иаков – Лакснесс. М.: Советская энциклопедия, 1966. 976 стб.
104. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. Т. 2. М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. 719 с.
105. Русские советские писатели-прозаики. Библиографический указатель: В 7 т. Т. 2: Задорнов-Ляшко. Л.: Тип. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1964. 875 с.

106. Русские советские писатели-прозаики. Библиографический указатель: В 7 т. Т. 3: Макаренко-М. Пришвин. Л.: Тип. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1964. 807 с.
107. Спорт в художественной литературе: (Методические и библиографические материалы). Минск: Б. и., 1970. 30 с.
108. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография: 1918–1931. М.: Молодая гвардия, 1933. 328 с.
109. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография: 1932–1939. М.; Л.: Детгиздат, 1941. 376 с.
110. Футбол: (Библиографический список литературы). Минск: Б. и., 1971. 12 с.

Спортивные руководства и справочники

111. *Баунов Б. А.* Спорт. XX век. М.: Советский спорт, 2001. 375 с.
112. *Дементьев Е. М.* Английские игры на открытом воздухе. М.: Журн. «Вестник воспитания», 1891. 82 с.
113. *Дюпперон Г. А.* Футбол. Баскетбол. Ватерполо. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 268 с.
114. *Есенин К. С.* Московский футбол. М.: Московский рабочий, 1974. 264 с.
115. *Есенин К. С.* Футбол: рекорды, парадоксы, трагедии, сенсации. М.: Молодая гвардия, 1968. 208 с.
116. *Колли Н. Я.* Спортивные сооружения. М.: Издательство и типография Издательства Академии архитектуры СССР, 1948. 55 с.
117. *Лукосяк Ю. П.* История петербургского футбола. СПб.: Союз художников, 2011. 238 с.
118. *Лукосяк Ю. П.* Футбол. Первые шаги. 1860–1923. СПб.: Союз художников, 1998. 238 с.
119. *Нилин А. П.* Век футбола. М.: Терра. Спорт и др., 1998. 222 с.

120. Спорт в СССР. Ежегодник 1937 г. М.: Физкультура и спорт, 1939. 212 с.
121. Спорт во все времена года. СПб.: П. П. Сойкин, 1895. 198 с.
122. Спорт и век [Сборник]. М.: Физкультура и спорт, 1967. 279 с.
123. Спортивные игры: Футбол. Ручной мяч. Баскетбол. Волейбол. Гордки: Правила соревнований. М.: Издательство и 4-я типография Военного издательства в Киеве, 1948. 168 с.
124. *Фролов В. В.* Футбол в СССР. М.: Физкультура и спорт, 1951. 160 с.
125. Футбол. Справочник. М.: Б. и., 1940. 176 с.
126. Футбольный спорт – источник силы и здоровья. Харьков: Футбольное спортивное производство И. Кольнер и К°, 1915. 24 с.

Спортивная периодика

127. *Андрей.* О футбольной «детской болезни» // *Спартак.* 1925. № 18. С. 7–8.
128. *Г.* Война и спорт // *Спортивная неделя.* Пг., 1915. № 6. 15 февраля. С. 1.
129. *Геркан Л.* В стране футболистов // *Красный спорт.* 1925. № 17. 26 апреля. С. 7.
130. *Евтихийев Д.* Спорт и школа // *Футбол.* М., 1914. № 8. 17 мая. С. 2–3.
131. *Кассиль Л. А.* Матч с басками // *Известия.* 1937. № 148. 26 июня. С. 4.
132. *М-н.* Футбольные декабристы или спорт наизнанку // *Спартак.* 1925. № 1. С. 13.
133. *Михайлович Б.* Нормальный атлет // *Вестник физической культуры.* Харьков, 1922. № 1. С. 5–6.
134. [*Неизвестный автор*]. Наши задачи // *Футболист.* М., 1913. № 1. 3 августа. С. 1.
135. [*Неизвестный автор*]. Новая болезнь // *Красный спорт.* 1924. № 5. 17 августа. С. 3.

136. [Неизвестный автор]. От редакции // Спортивная неделя. Пг., 1915.
№ 1. 11 января. С. 1.
137. Олеша Ю. К. Баски // Вечерняя Москва. 1937. № 143. 25 июня. С. 4.
138. Саволайн А. В. В дни войны // Спортивная неделя. Пг., 1915. № 2.
18 января. С. 1.
139. Тарасенко М. Физическая культура и здоровье // Вестник физической культуры. Харьков, 1922. № 2. С. 4–6.
140. Тиванов А. Для чего физкультура нужна взрослым // Спартак. 1925.
№ 3. С. 4.